

ЭФФЕКТ
ДОМНО

СЕРГЕЙ
ДОРОШЕНКО

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сергей Дорошенко

Эффект Домино

«Автор»

2023

Дорошенко С.

Эффект Домино / С. Дорошенко — «Автор», 2023

Люди не знают заранее, чем их поступки обернутся: злом или добром. Любое действие запускает цепь событий с открытым финалом. Где случайности не случайны, а события предопределены. Это как падение фишек домино. Игры, главный участник которой — «dominus». Господь. Сюжет основан на реальной истории. События разворачиваются в 2013-20гг. в южном городе (Ростов-на-Дону)... Гаишник Дмитрий Корбашов, будущий курсант института ФСБ и опер уголовного розыска, не ведает, что, отпустив в новогоднее утро случайного водителя, невольно становится его же палачом. Примерный семьянин, маньяк с «Военведа» Эдик, из тысяч женщин выбирает в жертвы подругу Корбашова, и получает пожизненный срок за давние убийства. Активист «НаркоСтопа», натываясь на Димин кулак, глотает закладку и провоцирует грандиозный полицейский скандал. Коллеги-оборотни бегут в Украину, а Дмитрий назначается козлом отпущения. В Казанской пересылке круг замыкается. Последний камень Домино накрывает первый. Конец партии. «Рыба»!

© Дорошенко С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть I. Эффект Домино	7
Эффект Домино 1. Новый год	7
Эффект Домино 2. Отпусти!	10
Эффект Домино 3. Калининград. Драка	12
Эффект Домино 4. Коричневая пуговка	14
Эффект Домино 5. Тень отца Гамлета	17
Эффект Домино 6. Спиноза и «Казус Кочубея»	19
Эффект Домино 7. Ангел-хранитель	21
Эффект Домино 8. Ангел. Прошлое	24
Эффект Домино 9. Элвис или первая любовь	26
Эффект Домино 10. Генерал Петенька	29
Эффект Домино 11. Что такое «ПВ»?	32
Эффект Домино 12. Шпионские страсти. Матиас Руст	35
Эффект Домино 13. Светлана	38
Эффект Домино 14. Шпионские страсти.	41
Эффект Домино 15. Митя. Дитя «войны»	44
Эффект Домино 16. Шпионские страсти. Отряд «стюардесс»	47
Эффект Домино 17. Миллениум «00»	50
Эффект Домино 18. Павел. Авария	53
Часть II. Жажда	56
Жажда 1. Подснежник	56
Жажда 2. Эдик. Танька дура	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Дорошенко

Эффект Домино

Пролог

Очумелый воробей беспорядочно бился о нагромождение металлических конструкций под высоченным потолком. Его слепил свет мощных прожекторов, и обжигали раскаленные добела лампы. Обладая крошечный мозг пернатого воображением, то птичий ад должен был выглядеть именно так.

Ужас ситуации усугублялся истошными воплями беснующихся где-то далеко внизу людей. Некоторые размахивали палками, а их широко разинутые рты исторгали крики сразу на нескольких языках.

Но воробей был голландским и не мог понять причину человеческого возмущения. Птица влетела через форточку в это страшное место всего сорок минут назад и теперь жаждала лишь одного. Любой ценой выбраться на волю. Но раз за разом натыкалась на прозрачные стекла, теряя остатки сил с каждым ударом...

Очередной сезон «Дня Домино»¹ две тысячи пятого года выпуска, проводимый в экспо-центре города Леуварден нидерландской провинции Фрисландия, похоже, был на грани срыва. До начала оставалось всего четыре дня и уже были готовы десятки фресок на темы великих книг. Четыре с лишним миллиона вертикально стоящих разноцветных фишек, выстроившихся фантастическими узорами, ждали своего часа. Первого толчка и финального падения, ведущего к триумфу.

...Воробей, напуганный пролетевшей мимо сеткой, резко ушел в пике, чуть не врезавшись в пол. А на взлете случилась беда. Распушенный веером хвост резко хлопнул одну из костяшек. Раздался характерный перестук, который строители узоров ни с чем не могли перепутать. Пошла необратимая цепная реакция. Скелеты Квазимодо и Эсмеральды, сплетенные в последнем объятии, прямо на глазах рассыпались в прах. Цепочка в двадцать три тысячи камней бесславно погибла.

Птичка подписала себе приговор. Срочно вызванный специалист по отлову животных оказался опытным охотником. Выстрел из пневматической винтовки положил печальный конец краткой воробьиной жизни. Праздник был спасен и мировой рекорд установлен.

Но не только перья полетели. История имела весьма любопытное продолжение.

С возмущением поднялась зоозащитная волна. Выступления борцов за права животных, популярных блогеров, жаркие дебаты в соцсетях возымели результат. Стрелка оштрафовали на двести евро за проявленное неуважение к жизни животного. А потом еще несколько лет меткий зверобой получал анонимки с угрозами расправы.

Специальным постановлением прокурора Нидерландов убитый воробей был передан Роттердаму, в Музей естественной истории. Там из погибшей птички изготовили чучело и поместили в экспозицию животных с неординарной историей.

Так, ничем не примечательный любитель почирикать заслужил мировую славу и право иметь на музейной табличке даты рождения и смерти: две тысячи пятый год – две тысячи

---

¹ *Domino Day* (англ.) – ежегодный праздник, проводимый в Нидерландах с 1986 по 2010гг. При проведении грандиозного шоу заранее строилось поле из рядов цветных фишек, которые при последовательном падении демонстрировали действие принципа домино

пятый год, четырнадцатое ноября. Но, кроме того, удостоился еще и собственного имени – Домино².

Возникает естественный вопрос. Чем в итоге для неказистой птицы обернулось проникновение в выставочный зал? Нелепой случайностью? Или единственной возможностью добыть, хоть и сомнительную, но славу? Обрести вечную жизнь, пусть даже в виде пыльного чучела без левого крыла.

Может быть «дьявол», как всегда, крылся в деталях? И дело именно в том, что в описанных выше событиях ключевую роль сыграли обычные костяшки домино³?

По одной из версий, эту игру в четырнадцатом веке в Европу завез путешественник Марко Поло, и модная забава быстро успешно прижилась на Апеннинах. Итальянцы, как прямые потомки древних римлян, имели полное право фамильярно обращаться со священной латынью. Что и сделали, назвав диковинку по-имперски звучно – domino.

Но видимая простота названия, возможно, скрывала более глубокий смысл. Ведь слово это имеет единый корень с «dominus», что означает «господин».

А еще – Господь.

---

² Сочетание слов «домино» и «huiismus» (воробей по-нидерландски)

³ Настольная игра, в процессе которой выстраивается цепь костяшек (костей, камней), соприкасающихся половинками с одинаковым количеством точек, обозначающим число очков

Часть I. Эффект Домино

Эффект Домино 1. Новый год

Люди обычно навсегда запоминают события, изменившие их жизнь. Бережно хранят, перебирают в памяти особые минуты. До и после того, как это произошло. Радуются, как дети, при удачном исходе. Или сожалеют вечно, если что-то пошло не так...

Паша Вакулин не был исключением. Его любимое укромное местечко в углу, возле самого окна, к счастью, сегодня вечером было свободно. От стеклянных рам, на зиму надежно заклеенных бумажной лентой на клейстере, практически не дуло. Усевшись на корточках, прислонился плечом к теплой батарее. Кайф!

Завтра Новый год. Уже сорок третий от рождения. «Мальчик стал уже большенький», – вспомнил Павел любимое выражение отца.

Как прошли первые три – забыл напрочь, по малолетству. Зато к пяти годам уже умело скручивал с елки самодельные игрушки. Жили они не очень богато, и в провинциальном сибирском городке многие семьи украшали елочки с помощью подручных лакомств. Шоколадные конфеты и грецкие орехи в блестящей фольге так заманчиво искрились в свете гирлянд. Помнил еще пряный запах подмороженных мандарин. И Деда Мороза, который почему-то был в папиных ботинках.

Оказывается, это и было счастье. Далекое и настоящее.

А потом незаметно сказка ушла. Заботы что ли выдавили из праздника былое волшебство? Главным стало обыденное. Что покупать – елку или сосну, сколько потратить на подарки, где достать хорошее спиртное к столу, в гости пойти или опять родственников к себе звать?

Лишь ближе к двенадцати ночи, когда стихала суета, тихое чувство радости опять возвращалось в Пашино сердце. Будущее опять казалось светлым и безмятежным, а проблемы пустяжными. Отпускала досада за второпях растраченные прошедшие дни, таяли без следа доминавшие прежде обиды.

Вот только утро из года в год неизбежно огорчало тяжелым похмельем и недосыпом. Особо доставал стойкий чесночный запах корейской морковки, традиционно забываемой женой на балконе.

Семь лет назад, закрепив наконец-то в треноге пушистую сосенку, Павел уселся в кресло-качалку и... загрустил. Была причина. Утром совсем некстати позвонил шеф и вместо «приветснующим» предложил поработать. Прямо первого января, да еще с самого утра. Пришел, мол, срочный груз, нужно немедленно везти в другой город. Напарник же, Васек, предусмотрительно ушел в «штопор», плюнув жидкой слюной на доверие начальства.

В морозилке наливалась холодом «Столичная» и томились замороженные рюмочки. В серванте гордо сиял пятью звездами настоящий армянский коньяк. Была даже чача из Грузии с диковинными стеклянными гроздьями в бутылке. Жена на кухне колдовала над «селедкой под шубой». Скоро гости заявятся, всю неделю меню обсуждали, пиротехнику закупали, чтоб погромче бабахнуть во дворе на радость себе и соседям. А тут такая засада!

Чувство долга перевесило традицию, и лишь бокал искристого шампанского под бой курантов оказался для Паши в тот вечер единственным утешением...

Утро наступившего нового года было бесснежным и промозглым. У подъезда валялись пустые петарды, черная земля была усыпана разноцветными горошинами конфетти. На улицах – ни души. Лишь пронзительная поземка гнала блестящие обрывки мишуры. Да под завывание ветра гулко тархтели по асфальту пустые пластиковые бутылки.

Однако, как же ему было хорошо! И хотя прошло много лет, Паша не удержался от счастливой улыбки. Припомнил внезапно охватившее его ощущение собственной исключительности. А еще гордости и, может даже, превосходства над обычными людьми.

Это было словно в комиксах-раскрасках, которые он приготовил в подарок сыну и пролистывал вчера. Как приятно, оказывается, стать Бэтменом или Спайдером, а может даже Железным человеком⁴. Пусть даже на миг. Оказаться настоящим суперменом, готовым изменить этот мир к лучшему. А еще чувствовать себя первого января возможно единственным трезвым человеком во всем городе. А может и во всей стране?

Но именно хмурое новогоднее утро стало последним из приятных воспоминаний того бесконечно долгого дня. То, что случилось чуть позже, навсегда изменило жизнь. И не только Павла.

***

Дневальный слегка двинул носком сияющего от ваксы ботинка в бок задремавшего зэка, возвращая того в душный барак:

– Паш, да отлепись ты от баяна. Хорош кемарить, пора на хавчик двигать. Сегодня гуляем, шайба с картофаном!

Заклоченный Вакулин, второй отряд, статья 264-4, выдернутый из мира грез, лишь злобно отмахнулся от шныря. Так и не вышло сегодня досмотреть «кинчик» до финала. Поднялся с пола, размял затекшие ноги. Подумал, что может и к лучшему, что не увидел. Хоть поспит спокойно, без всяких там воспоминаний, мать их...

***

Дорога, по которой Павел ехал тем утром, была пустынной. Лишь аварийки и хлебные фургоны занимались неотложной работой. Везли прошлогодний хлеб уставшему от бессонной ночи народу и прочищали забитые остатками блюд канализационные стояки.

Гаишник, рослый как памятник, стоял сразу за поворотом. Махнул полосатым жезлом и медленно направился к «Форду», послушно подкатившему к обочине. Когда водительское стекло опустилось до упора, скороговоркой представился, попросил документы. Сверля Павла изучающим взглядом, согнулся почти пополам, оглядел кабину, с силой втянул ноздрями воздух из салона.

Вид у младшего лейтенанта был усталый и злой. Было с чего. Выдернули на подмену неожиданно, среди ночи, как самого молодого. Дико болела голова, хотелось скорее вернуться за стол. Но не с пустыми же руками. Вот и тормозил каждую машину. А вдруг водитель выпивший? Или после вчерашнего? От самого, конечно, тоже фонило будь здоров, но «волшебная» палочка была в его руках, а не у водителя.

Паша все понимал и лишь спокойно улыбнулся под тяжелым взглядом инспектора. Вел себя уверенно, даже посочувствовал в душе похмельному служивому. Бодро сообщил:

– Все в порядке, командир! Можете не проверять, не пил я, – а потом неожиданно гаркнул от избытка чувств. – С новым годом!

И что-то дрогнуло в глазах сурового лейтенанта. Расправив брови, бугай поскреб шершавый подбородок и глянул с явной с завистью: «Видать, хорошо тебе, мужик!» Вслух же сказал нарочито строго:

– Будьте аккуратнее, подморозило. Гололед местами, – но не удержался и осклабил на последних словах. – И вас с Новым годом! Счастливого пути.

Полиция Пашу еще никогда не поздравляла. Да еще с Новым годом. Он даже растерялся от неожиданности и лишь кивнул в ответ, заводя движок. Первый раз в жизни подумал, что менты тоже люди.

---

⁴ Супергерои из комиксов

Признаться, младший лейтенант был удивлен происшедшим не меньше. Было с чего. Впервые за ночь и утро он не стал разводить водителя на бабки.

Возвращаясь мыслями в прошлое, Павел поначалу люто ненавидел того «доброго» мента. Готов был отдать все, что было на кармане, только бы гаишник задержал его. Всего на пару минут по пути в гараж. Страховку, падла, проверил. К резине мог вполне придраться, ведь протекторы разные. А еще, к примеру, докопаться до неработающей сзади лампочки. Да что угодно сделал бы, сука, только не отпустил вот так, с миром..

***

Отряхнув от мела рукав черной куртки, Вакулин, прихрамывая, двинулся на построение отряда. В столовке сегодня особенное меню, с котлетой. Ведь праздник же! Новый, две тысячи двадцатый год.

Эффект Домино 2. Отпусти!

Проводив взглядом синий «Форд», младший лейтенант сплюнул: «Что это за хрень со мной? Даже страховку не спросил. Просто тупо отпустил. Еще же видел, что у него левый стоп-сигнал не горит. А это уже пункт два-три-один ПДД... Живые деньги. Ладно, еще пару часов и домой».

Сел погреться к напарнику в машину. Сдвинул протоколы с пассажирского сидения и расслабился. Бубнила, потрескивая, рация. Горячий воздух из отопителя приятно отогревал замерзшие на ветру щеки и обволакивал ноги теплом...

...Показалось, что что-то больно царапнуло по шее. словно туго сдавил застегнутый ворот куртки, и удушье затуманило мозг сладким облаком. На мгновение гаишник выпал из вязкой дремоты, переморгнул и вновь провалился в желанный сон.

Там все и вспомнил.

...Дед спас Димку тогда. Петля не успела затянуться на шее мальчишки. Старик резко тряхнул кистью, сорвав с его плеч капроновый шнур. Но, потеряв равновесие, с шумом упал в воду. И тут же сам запутался в кольцах уреза⁵.

Пенистые волны стремнины потащили рыбака в воронку черного омута вслед за тенью огромного сома. Только ноги в коротких обрезанных сапогах мелькали в крошечке брызг.

Внезапно мокрая голова вынырнула из буруна. Захлебываясь от клокочущей в горле воды, дед прохрипел: «Отпусти-и-и». И только тогда Димка выпустил мотовило, которое из последних сил держал скрюченными пальцами. Вовремя. Через секунду его бы тоже выбросило за борт.

Стало тихо. Лодка медленно выплыла по течению под красный склон обрыва. Потом ткнулась носом в глинистый берег и остановилась. Мальчишка смотрел на воду, покрытую солнечной рябью, и безостановочно икал. Так и нашли его проплывающие мимо туристы примерно через час.

...Младший лейтенант особого полка ГИБДД Дмитрий Леонидович Корбашов мотнул головой, отгоняя наваждение. Напарник увлеченно строчил на телефоне эсэмэски. Новогоднее утро постепенно светлело, но город не торопился просыпаться.

Впереди показался ближний свет фар. Километров сорок, но странно жмет к обочине, ага, и чуть-чуть рыскает. Гаишник собрался, резко распахнул дверцу и шагнул вперед, уверенно крутнув полосатым жезлом.

Через три часа Дмитрий вернулся домой. В квартиру, где они жили сейчас вдвоем. Он и мама. Ехать к Ксюше, откуда парня выдернули на дежурство, смысла не было. Вряд ли его ждали. Все у них уже было. И прошло... «Да еще Санек, вот же котяра, – хмыкнул Дима совсем беззлобно, – тут же пересел к ней на диван поближе, я же все видел из коридора».

К Светлане тоже слишком рано. «Малыш» отмечала праздник с подружками в «Петровском причале». Знала, что Димку могут вызвать на усиленное патрулирование. «Спать будет, конечно, допоздна. Разозлится, если разбужу раньше полудня. Да и устал я, лучше тоже лягу».

Мамы дома не было. Она уехала к бабушке Лене, на Западный. Наверно, рулет свой фирменный повезла, из лавашей с морковью и зеленью.

Скинув куртку и зимние ботинки устрашающего сорок шестого размера, полицейский прошел в уютную, хорошо оборудованную кухню с овальным столом. Из холодильника достал початую бутылку водки, залпом выпил стопку, следом еще одну. Чуть отпустило. Разжались тиски головной боли, только затылок слегка ломило.

---

⁵ Снасть для ловли сома без удилица

Однако покоя не давал тот мужик в «Форде». Запомнился среди всех. Как-то странно улыбался, будто знал нечто большее, чем он, младший лейтенант полиции. А ведь Димка посмотрелся за пару лет всякого. Чаще жестокого и дебильного, иногда смешного, но очень редко доброго.

Вдруг гаишник понял, что тому водителю «Форда», похоже, было просто хорошо. Черт его знает из-за чего. Неважно. Но точно лучше, чем Димке. «Ладно, все, проехали».

Дима зашел в ванную и посмотрел в зеркало. В отражении не было ничего нового. Симпатичное, чуть округлое лицо. Бритые, щетинистые с ночи щеки. Слегка вздернутый нос, открытый взгляд.

Пристально всмотрелся в отражение. Прямо в зрачки, не в переносицу. В упор, не отрываясь, как учили. Жестко, с нажимом: «В глаза мне смотреть!» И увидел...

Из зеркала, так же не мигая, вглядывался в него дед Коля. «Старику» из воспоминаний было чуть за шестьдесят, когда они отправились с внуком на ту самую рыбалку. Столько же и осталось, а вот Димке прибавилось пятнадцать. «Отпусти-и-и!» Не мог себе до сих пор простить. Дима закрыл глаза, а когда открыл – вновь увидел себя.

Третью стопку пить не потребовалось. Понял, чему улыбался водитель из синего «Форда». Как и дед, Коля, этот парень знак ему подавал. Только молча: «Отпусти».

Не оставляй в себе то, что тревожит и мучает. Отпусти скорее, от чего желаешь избавиться. Вдруг это позволит тебе измениться. Желательно в лучшую сторону. Или неожиданно обернется добром для другого человека. А может, и злом. Никто никогда не знает наверняка, чем твой поступок окажется на самом деле.

Вот и Дмитрий Корбашов никогда так и не узнал, что случилось дальше с водителем «Форда» в это новогоднее утро. Когда отпущенная восвояси машина тронулась от обочины навстречу новому дню и неизвестности.

Как и не представлял, разумеется, что же произойдет с ним самим. Младший лейтенант полиции, того не ведая, сделал первый ход. Привел в действие цепочку событий, вызвав цепную реакцию, известную под названием эффекта Домино. Задел нечаянно своим крепким плечом первую фишку в сложном узоре судьбы. И далее понеслось: шелк-шелк. Покатился камень за камнем. По его и чужим жизням.

Кому-то оборачиваясь счастливым случаем. А кому-то – неумолимым дорожным катком, впечатывающим очередного бедолагу в асфальт. Кто знает, как лягут кости и сложится партия?

Эффект Домино 3. Калининград. Драка

– Чё ты гонишь? – круглолицый шатен резко обернулся и процедил хрипло, с характерной южной растяжкой. – Олег, ты совсем охренел?

...На плацу, под первым сентябрьским дождиком, беседовали рослые парни в камуфляже. И совсем не мирно. Две пары черных берцев беспорядочно топтали влажный асфальт в ритме горячего мужского разговора.

Секунду назад шатен смачно плюнул под ноги рыжему собеседнику и, развернувшись спиной, двинулся к казармам. Однако уже через шаг остановился, услышав сказанное вслед. Будто на стену налетел с размаха.

Рыжий отпрянул, верно оценив риски. Но в запале уже не смог остановиться и, кривясь от злости, выплевывал:

– Кто ты такой вообще, Корбашов? Что делаешь здесь? Набрали, сука, лимиту всякую, из Мухосранска... Вы тут в конец все попутали. Типа, такие, на умняке. Теперь еще телок чужих потрахать захотелось, да?

«Это он теперь про Катю», – мелькнуло у Димки в голове, и его увесистый кулак, опережая мысль, с хрустом врезался в челюсть загадочного дружка. От удара Олег грохнулся навзничь, гулко впечатавшись затылком в асфальт.

...Знакомство приятелей состоялось почти сразу по приезде Димы в Калининград. Не то, чтобы парень потерялся на новом месте. Все-таки бывший мент, а не какой-то задрот-ботаник. Просто здесь все было чужое и скорее хотелось найти родственную душу.

Димка привык к своему большому, продуваемому насквозь ветрами южному городу, где провел последние четырнадцать лет. Скучал по его вечной летней пыли, узким улочкам в центре возле Собора, что спускались каскадом к величавой реке, к простору широких бульваров на окраинах.

Что любопытно, в любое время главные улицы всегда были заполнены веселым народом, снующим по своим делам. Количество граждан, шатающихся среди бела дня по магазинам и паркам, порой вызывало у приезжих искреннее недоумение: здесь вообще кто-нибудь работает или учится?

Димка и сам задавался этим вопросом поначалу, когда еще пацаном переехал с мамой из соседнего шахтерского городка. Но быстро обзавелся кучей друзей и легко вписался в суету южной столицы.

И только прожив несколько лет, он, как и новые горожане, понаехавшие в этот миллионник со всех соседних областей и республик, понял. Душа этого города открыта нараспашку, а сердце – братское для всех.

Жили они в многоквартирном доме с потолками под четыре метра, а еще со столетней липой в центре двора. Квартира раньше считалась «ведомственной». Получил ее за особые заслуги мамин отец, дед Коля.

А сам район вообще считался в старину отдельным городом, где на дарованной императрицей земле прижились предприимчивые армяне из Крыма. Видимо, в память о славном прошлом района, дома в нем нумеруются «против шерсти». Не от вокзала и реки, как обычно, а строго наоборот. От самого главного места – колоритной, хоть и грязной, Базарной площади. Еще бы, ведь сам Пушкин тут персики покупал. Может даже крымские?

Кёниг же, где царили порядок и чистота, на Димкин вкус выглядел чересчур по-европейски. То есть вызывающе респектабельно. Хотя сам Дима за границей не был ни разу. Не довелось. А тут широченные проспекты, парки, сады, озера, каналы и мосты – все вылизано, аккуратно подстрижено. Даже урны такие красивые, что банку из-под колы выбросить стыдно.

Когда же парень забредал в самый центр, бесконечные костелы, шпиль соборов, мрачная кирпичная кладка стен создавали ощущение, что он ненароком попал в павильон с декорациями к фильму. Где только и ждешь, что из-за угла вынырнет тень из древнего прошлого. Всадник с плюмажем на шляпе, укутанный в бархатный плащ. Или эсэсовский патруль с овчаркой и неизменным MP-40 наперевес.

Привычно Дима себя чувствовал лишь, когда вновь оказывался в районе, застроенном советскими пятиэтажками, с обязательными лавками шаурмы и киосками «Живого».

Там, на окраине города, вблизи поселка Борисово, располагался Калининградский пограничный институт. Да не просто казенное учебное заведение, а учреждение самой ФСБ, куда Димка чудом поступил и сейчас перешел на четвертый курс.

Первая встреча с Олегом произошла у дверей приемной комиссии. Они натурально стукнулись лбами, одновременно нагнувшись за листочком, выпавшим из папки одного институтского майора. Ведь майор тот был не простой, а медицинской службы. И ножки имел красивые, не по уставу.

После они попали в одну учебную группу и два года практически не разлучались. Димка с детства был общительным и не мог обходиться без друзей. Лев по гороскопу, плечистый, улыбочивый парень был душой любых компаний. А нередко случалось, что и заводилой в дворовых драках. Да, такое случалось иногда, но исключительно по веским пацанским причинам.

Только вот любимая мама об этом даже не подозревала, считая сынулю редким пай-мальчиком. Вот и сейчас, непривычный к одиночеству, Димка охотно заводил друзей. И Олег стал среди всех самым близким.

Высокий, зеленоглазый атлет, с рыжеватыми волосами и чуть кривым боксерским носом, он производил впечатление. Одна лишь деталь слегка портила мужественное лицо – мелкозубые, острые зубы. Но как только Олег начинал говорить, от парня исходили такие волны обаяния и энергии, что окружающие даже не замечали некой хищности в улыбке собеседника.

Не удивительно, что Олега просто обожали девушки. Был он местным, коренным Калининградцем и при первой же возможности отправлялся в увольнение. А по возвращении походил на сытого довольного кота.

Сходство усугублялось привычкой постоянно напевать под нос липучие мотивчики. Будто мурлыкал... Домой Олег, видимо, в эти дни вообще не появлялся, а ночевал у многочисленных подруг, которыми, казалось, был наводнен этот старинный город.

Дима, кстати, тоже был далеко не ангел. Это их с Олегом и сблизило на первых порах. Продолжение случайного знакомства с майором по имени Лидия, было, кстати, весьма пикантным...

Ну и, конечно, оба хотели скорее получить офицерские погоны, понимая их «вес» и перспективы. А еще об этом, как никто на свете, мечтала Димина мама, Марина Николаевна, дочь «секретного» военного.

Эффект Домино 4. Коричневая пуговка

Отец Диминой мамы, Николай Семенович, был кадровым офицером. Он утонул, будучи еще не старым, в шестьдесят два, во время рыбалки с внуком на Дону. В семье старались об этом не вспоминать. В хорошем настроении дед часто напевал:

«Коричневая пуговка лежала на дороге,
Никто не замечал ее в коричневой пыли,
Но мимо по дороге прошли босые ноги,
Босые загорелые протопали, прошли...»

Это были слова из песни о бдительных пионерах его далекого детства. Ребята нашли пуговицу с буквами, написанными «не по-русски». Сразу дали знать на ближайшую заставу. Отправившись по следу, наши пограничники вмиг разыскали подозрительного незнакомца. Все сошлось! Вражеский диверсант оказался без пуговицы на штанах. Зато с патронами от нагана и картой укреплений в кармане заграничных брюк.

Димка пацаном часто представлял себя героем той истории, но не босоногим Алешкой, а строгим капитаном пограничником. В фуражке с лакированным козырьком. В красивом кителе с золотыми погонами. В блестящих сапогах. С кобурой на поясе и автоматом на груди.

Несмотря на свои неполных двадцать два, он успел сменить несколько мест работы. Но лев в Димкином гороскопе никогда не дремал. Азарт погони – вот что будоражило душу охотника и упрямо вело по жизни.

В две тысячи одиннадцатом парень закончил школу милиции. Однако, по прихоти руководства страны, тут же превратился в полицейского. Люди сразу подхватили шутку Задорнова про милицию – «милые лица». А вот полицией для русского уха звучит, как клеймо.

Чуть больше полугода походил участковым, опыта набирался, а сейчас служил в ГИБДД. Деньги кое-какие появились, не без того. Но все было не так, драйва мало. А вот бумажки достали по самое нехочу. Рапорты, протоколы, докладные, отчеты. Как же он ненавидел эту рутину. Хотелось перемен и, желательно, к лучшему.

И такой случай представился в марте две тысячи тринадцатого. Димку догнала костяшка из боковой цепочки счастливых случайностей. Тюкнула молодого гаишника жестким ребром в спину и... понеслось.

А было дело так. В подъезд, где находилась мамина квартира, переехала некая Антонина Сергеевна. Новая соседка в свои явно преклонные годы оказалась, на удивление, очень подвижной особой, к тому же весьма ухоженной. Старушенция была явно не простой. Жильцы дома часто ловили на себе пронизательный взгляд ее карих глаз из-за приспущенных на нос очков.

Как-то поднимаясь по лестнице, Дима столкнулся с бабулей лицом к лицу. Жили они на одном этаже, в престижной «сталинке» еще довоенной постройки.

После трагической смерти деда Коли, его жена, бабушка Лена, наотрез отказалась оставаться в этой квартире. Поэтому переехала в однушку на Западном, которую буквально перед путчем девяносто первого Николай Семенович «выбил» для любимой дочери. Все ждал, когда Марина одумается и вернется в родной город из шахтерского захолустья.

Соседка громко возилась с ключами, подслеповато промахиваясь мимо личинки замка.

– Вам помочь? – вежливо спросил Дима.

– А вы кто? – соседка даже не обернулась, но явно напряглась, перестав звякать металлом.

Диме даже почудилось, что она незаметно перенесла вес на одну ногу, словно готовясь к удару.

– Да сосед я, Дима. Из семнадцатой квартиры, вот напротив, через одну от вас.

– А-а-а, – старушка чуть расслабилась и сварливо спросила, – Чего поздно так шляешься, голубчик? Полночь уже.

– С дежурства иду, – чуть обиделся Дима и сам подумал: «А тебя чего по темноте носит, бабуся?»

– Так ты мент, что ли? – оживилась соседка, справившись, наконец, с замком. Скрипнули несмазанные петли.

Только теперь она повернулась и посмотрела ему в глаза:

– А я все приглядываюсь. Такой бугай двухметровый, на вид громила, а лицо приятное. Думала: точно бандит, – и быстро шмыгнула в квартиру, резко захлопнув дверь.

Так состоялось их знакомство. Дима, по привычке, тут же дал бабуле псевдоним – «Шапо-кляк». Соседка, как выяснилось позже, выходила ночью в круглосуточную аптеку. Прихватило сердце, таблетки кончились, а жила Антонина Сергеевна совсем одна.

Надо сказать, что Марина Николаевна очень переживала за сына. Такой способный, умный, к нему люди тянутся ведь не зря? И работа вроде есть. Но не для него. Дима, с его амбициями и простым гаишником на улице? Весь день на ногах, в снег, дождь, словом, кошмар. Просто обидно за мальчика.

Особенно огорчало, что она не имела надежной мужской опоры и поднимать Димочку приходилось самой.

Первый муж, Леонид, давно жил с другой семьей и в судьбе сына особого участия не принимал. После развода Марина с девятилетним Димой вернулась в отчий дом. Только вот из двух родителей осталось только половина – минуло два года, как папа утонул. Мама Марины, Елена Сергеевна, работала в поликлинике обычным терапевтом. Поэтому в качестве поддержки могла предложить лишь житейский совет.

Со вторым мужем, Костей, Марина познакомилась в санатории. Расписались они, когда Димке было уже тринадцать. Основной вклад, который Константин внес в судьбу ее любимого мальчика, оказалась секция греко-римской борьбы. Спортом Дима занимался охотно и достиг неплохих результатов. Но в целом, отношения отчима со строптивым пацаном особо не складывались. А потом и с Мариной не заладилось... Одним словом, очередной, две тысячи десятый год, Дима и мама вновь встречали вдвоем.

Конечно, она знала Димину мечту. Школа милиции – это так, разминка для начала. Поступить бы в какой-либо престижный вуз. Для силовиков. Может быть, даже стать военным, как любимый дед Коля.

Мама помнила, как Димка, еще совсем маленьким, любил забираться в кладовку в родительской квартире. Это происходило каждый раз, когда они приезжали погостить из шахтерского городка. Папа переделал просторный чулан в домашнюю фотолабораторию, освещаемую красным светом. Митеньке же это место представлялось настоящей пещерой, полной тайн и сокровищ.

Мальчик забирался на табурет, доставал с верхней полки заветный сверток. Развернув ящичек, обернутый в бархатную ткань, бережно вынимал самый драгоценный предмет. Офицерский кортик. Николай Семенович получил его при выпуске из военного училища. Это была реликвия, почитаемая как семейный талисман.

Димка долго и заворуженно вертел в руках плоский стальной клинок с палевой рукояткой «под кость». Потом защелкивал в деревянные, обтянутые кожей ножны с латунным наколочником и бережно клал обратно.

Мама не боялась, что сыночек порежется. Лезвия ромбовидного клинка не затачивались. А дед только довольно хмыкал, когда внук, выходя из кладовки, смотрел на него, как на бога.

В девяносто шестом такие офицерские кортики по указу Ельцина попали под определение холодного оружия. Отцу Марины несколько раз даже приходили уведомления из милиции с требованием оформить разрешение на хранение клинка. Бабушка Лена, энергичная молодая женщина, умоляла мужа не связываться с властями:

– Коленька, да сходи ты в ОВД, не отстанут же. Оформи, как положено и пусть лежит. Тебе оно нужно, под статьей ходить из-за ерунды?

– Не милиция мне его вручала в пятьдесят седьмом, чтобы я просил у них разрешения. И не ерунда это, а символ офицерской чести, – упорствовал тот, считая все решения новых властей России предательскими или, как минимум, дебильными.

В конце концов Николай Семенович все уладил. Помогли пара телефонных звонков и бутылка хорошего виски.

Кортик теперь был в земле. Реликвию, под троекратный залп холостыми зарядами и государственный гимн, положили в пустой гроб. Тело отца тогда так и не выловили из реки. Сгинул в омуте навсегда.

Вот и сейчас Марина Николаевна тяжело вздохнула: «Был бы папа жив, точно бы помог. А я что могу одна сделать? Без денег, связей. Димка сам себя изводит, все ему не так на работе. Еще пить начнет, не приведи господь...»

Мама ошибалась, что помочь им некому. Роль заботливого отца семейства неожиданно взяла на себя их новая соседка, Антонина Сергеевна.

Эффект Домино 5. Тень отца Гамлета

Димка вылетел из института пограничников с треском. Суровый Кенигсберг ответил чуваку взаимностью. Древняя тевтонская земля, пропитанная дисциплиной и порядком, отвергала смутьянов и бунтарей.

Не довелось бывшему курсанту Корбашову кинуть монетку на память после окончания выпускного торжественного марша. А еще – глотнуть по давней традиции шампанского из каски. На дне которой, покрытые пузырьками, сверкали две заветные лейтенантские звездочки.

Дело, возможно бы, замяли. Кому нужны лишние скандалы? Но вмешалась рука судьбы. Хотя, пожалуй, рук оказалось, как и положено – две.

Драка с Олегом, вернее чистый нокаут, произошла среди бела дня, на плацу. Как назло, в тот самый момент начальник института стоял у окна кабинета и задумчиво пил душистый чай.

Левая рука начальника твердо держала массивный подстаканник с ажурным вензелем «ФСБ». Янтарный напиток маслянисто плескался в тонком стекле. Мысли Анатолия Валентиновича были заняты приятными деталями подготовки к очередному отпуску.

А тут, прямо на его глазах, случился публичный мордобой среди курсантов. Полковник, в полном изумлении от увиденного, перегнулся через подоконник и нечаянно накренил стакан. Кипяток, пролившийся прямо на китель, привел его в дополнительную ярость.

Поостыв, начальник решил все же избежать громкого скандала. Он хорошо помнил о звонке Петра Григорьевича трехлетней давности, касающегося очередного протезе, некоего Дмитрия Корбашова. Но вынести сор из избы, да еще похерить обязательства перед старшим товарищем, его заставила куда более серьезная причина. Она-то в итоге и перевесила досаду о пятне, оставленном Димой. На полковничьем и институтском мундирах.

Правая рука судьбы оказалась куда более суровой и безжалостной. А также в крайней степени – «волосатой». Солидной такой, мужской, с рыжеватой порослью на крепких пальцах. Да еще привыкшей ставить подписи на обвинительных заключениях.

Димкин друг, при всей своей общительности, никогда не рассказывал о папе с мамой. Конечно, те присутствовали в жизни Олега, но незримо, как боги на Олимпе, недоступные взору смертных. И только лицо любимого сына с заживающей ссадиной на скуле, заставило загадочных родителей материализоваться.

Мама, симпатичная шатенка средних лет, потомственная домохозяйка, лично приехала в институт, чтобы отчитать подполковника Мартынова, заместителя начальника по воспитательной части. С тем и уехала, заниматься далее бровями и маникюром.

Выход на сцену разгневанного папы Олега, жаждущего праведной мести, вызвал еще более серьезные последствия. Не менее драматичные, чем появление призрака отца принца датского. Тоже, кстати, уроженца Прибалтики, только западной части.

Родитель Олега занимал должность не менее важную, чем папа Гамлета. А в части властных полномочий, возможно, и покруче. Он был заместителем прокурора области. Замы почти всегда в тени, особенно первые. Делают всю работу за начальство, незаменимы и... незаметны. Однако если их разозлить хорошенько, могут оказаться ужасными в проявлении своих возможностей.

Дима потом еще долго помнил, какие части тела ему грозили открутить и оторвать напроць. А еще, убедительно описали, как сломают последующую жизнь и трудовую биографию. И за что? За несколько романтических встреч с Катей? Да откуда он мог знать, что эта девчонка, такая милая и застенчивая, была одной из многочисленных подружек Олега?

И черт же его дернул подсесть к ней тогда в летний день...

Симпатичная блондинка с русой косой в ярком платье сидела на лавочке неподалеку от «Королевских ворот» и совсем по-детски ела сахарную вату. Димка тоже любил сладкое. Во

всех видах и проявлениях. Присел рядом. Чуть нагнувшись, ладонью отряхнул форменные брюки, на которых даже намека не было на пыль или грязь и снизу внимательно осмотрел незнакомку:

...М-м-м... Тонкие лодыжки. Такие он особенно ценил. Не оставил без внимания грудь, обтянутую оранжевым сатином. И тут же поймал веселый взгляд зеленых глаз, смотревших в упор. Насмешливо и по-женски понимающе. На его просьбу оставить кусочек девушка лишь мило улыбнулась и протянула пушистый кокон на палочке.

Так они познакомились с Катей. Просто и непринужденно. Как обычно получалось у Димы все, что нравилось ему делать.

Эффект Домино 6. Спиноза и «Казус Кочубея»

В состав гуманитарных программ обучения будущих офицеров-пограничников входила философия. Дима никогда этой наукой особо не интересовался. Даже больше. Откровенно скучал от заумных фраз и абстрактных построений.

Лишь однажды он заинтересованно востепенулся. Речь на очередной лекции зашла о Барухе Спинозе, его воззрениях на права и свободу человека, а также на государство, как способ их обуздать.

Каждый человек – эгоист, стремящийся к выживанию. И природный эгоизм индивидов заставляет их стремиться к личному благосостоянию и могуществу. И это совершенно естественно, утверждал великий шлифовщик оптических стекол.

Олег и Дима дружно закивали головами, услышав эти слова. Хотя, признаться, давно почившему Спинозе их согласие нисколько не требовалось.

Для большей наглядности, далее философ сравнивал права человека с поведением других живых существ. Он утверждал, что рыбы, к примеру, по своей природе предназначены к плаванию. А более крупные из них – к поеданию более мелких. Это их естественное право – плавать и питаться всякой мелюзгой.

Так и люди вынуждены существовать в постоянном страхе и вражде. И чтобы выжить, просто обречены создавать государство, пока их не «сожрали» соплеменники.

Столь суровая картина мироздания очень походила на реальность, которую Дима постоянно видел вокруг себя. Особенно – работая в полиции. Но обдумывая сей печальный факт, курсант пропустил главную истину. Ту, которую Спиноза прекрасно знал, а Димка, к сожалению, пока не усвоил.

Согласно воззрениям мудреца, в этом мире абсолютно ничего не происходит по воле случая. Беспричинность в человеческой жизни – лишь видимость, иллюзия воображения. Потому что все события наступают необратимо. Их роковая предопределенность вытекает из самой природы Владыки⁶ Вселенной. Ведь все, происходящее с людьми, уже ранее произошло в Творце. А простые смертные лишь включены в неизбежную цепь событий, оставляющих картину их земного существования.

Диму, однако, в тот момент куда больше занимало доказательство схожести законов жизни у зверей и людей. Для него лично это давно не было секретом. Но, оказывается, великие люди думали так же...

В общем, курсант Корбашов, найдя лестное сходство себя со Спинозой, упустил куда более важную вещь. Которая легко объясняла тайну загадочного феномена, произошедшего несколько лет тому назад. Дима про себя назвал его «Казусом Кочубея».

...В две тысячи одиннадцатом, еще работая участковым, парень был в близких отношениях с девушкой. Звали подругу Ксенией. Совсем ребенком Ксюша переехала с мамой из Ставрополя в Южную столицу. А по прежнему месту жительства остались отец и родной брат. Больше они ни разу не виделись, развод был тяжелым.

Дима с Ксюшей были очень близки. Даже, по глупой молодости, подумывали о женитьбе. Однажды молодого участкового откомандировали с коллегой на неделю в Невинномыск, или Невинку, как ласково именовали свой город жители. Но место в служебном общежитии МВД оказалось лишь одно.

Диме, как кадру, более благонадежному по части выпивки, начальство дало добро выбрать жилье на свое усмотрение. Парень загодя пробил варианты по интернету и, совер-

---

⁶ «Dominus», лат.

шенно не зная города, выбрал адрес наугад. Улица Кочубея, дом сто семьдесят семь, квартира четырнадцать.

По приезде в Невинномысск поселился в снятой однушке относительно нового многоэтажного дома. Квартирка была так себе, но на неделю сгодится. Раскидав по углам шмотки, понял, что проголодался с дороги. Заварил кипятком «Анаком» в качестве гарнира к любимым сосискам и набрал Ксению:

– Привет, Ксюш, я уже на месте, обживаюсь потихоньку.

– Ой, Димкуль, привет! Как доехал? Поселился уже?

– Да, но уже поздно, все дела отложил на завтра. А сейчас перекушу и двину погулять.

Тут у них рядом пруд какой-то есть, местные сказали. Смешное такое название, «Бублик». А ты чем занята, Ксюш?

В телефоне наступило молчание. Димка подумал, что связь оборвалась и для порядка трижды переспросил:

– Ксюша? Ксюша? Ты где?

После затянувшейся паузы Ксения ответила. Только голос был странный:

– Как ты назвал пруд? «Бублик»?

– Ну да, а что ты притихла?

– А улица какая?

– Кочубея, дом сто семьдесят семь. Квартира четырнадцать, если что...

Оказалось, это не «если что», а просто пипец... Ксения до развода родителей жила в этом самом доме. Где теперь поселился Димка. И в том же подъезде. Только в квартире этажом выше.

Тогда они с Ксюшей просто обалдели от такого совпадения. А ведь правда, какой был шанс у Димкиного «пальца в небо» попасть на этот адрес? В городе, где под триста улиц с переулками и тысячи домов? Один из миллиона, из ста миллионов или еще меньше?

Или это не шанс, а единственно возможный вариант?

...Окончание лекции прервало Димкины размышления. Так и не удалось ему вовремя сделать правильный вывод из мудрых логических построений. А зря. Последствия вскоре пришлось испытать на своей шкуре. Отцы-командиры, оказывается, были правы, напутствуя «зеленых» курсантов армейской мудростью: «Не доходит через голову – дойдет через ноги».

Выходит, что в летний день знакомства с Катей, Дима никак не мог пойти по другой улице Кенигсберга, кроме как по тенистой Минской. И просто обязан был оказаться возле «Королевских ворот». В этот день и в этот час. Катя оказалась для парня очередным знаком судьбы.

Дима не просто уселся на лавочку с незнакомкой. Он сделал очередной ход, двинув новый «камень». Тот завалил еще несколько. Последний, чуть поколебавшись, сбил с ног Олега.

Посреди бела дня, на глазах высшего руководства института. Уронил на асфальт сына самого заместителя областного прокурора!

Эффект Домино 7. Ангел-хранитель

Марина Николаевна потом долго переживала. Она поверить не могла, что в одночасье мечты ее будут безжалостно разбиты.

«Как же так? Мой Димочка не мог начать драку, его оболгали, все перевернули навыворот. Нашли тоже мне драчуна. Это же не про него. Да, работал раньше в полиции. Разве там не люди? Ну, даже если подрался разок, что, сразу отчислять? Их же там в институте специально этому учили... Что же теперь с нами будет?»

Чувство, что все семейные надежды рухнули, не оставляло женщину ни на миг. Печаль мрачной аурой висела в ее уютной квартире. Даже мамина любимая чешская люстра светила тускло, будто заросла паутиной. Дорогой ламинат пошел щелями. Правда, тут уже мистики не было, просто с началом отопительного сезона потекли недавно замененные батареи.

Димка, когда ночевал у мамы, старался не выходить из своей комнаты. Изредка включал телек, только чтобы под него заснуть. Молча ел и рано ложился спать. Мама старалась спросить, узнать, как все было на самом деле:

– Дим, мальчик мой, ну не молчи. Ты ведь знаешь, мне можно рассказать все. Из-за чего ты уехал? Тебя правда за драку выгнали? Я ведь, когда прилетала на присягу, слышала, как тебя хвалили. Командиры, друзья твои. Особенно, этот, Олег, кажется... Вы с ним совсем как братья... Ты ему почти всех чебаков тогда отдал, что я через полстраны везла, – вспомнила вдруг с обидой. Оказалось, совсем некстати.

Димка только зыркнул исподлобья, помешивая ложкой горячий наваристый борщ:

– Мам, ну не трогай меня. Ладно?

За Олега он сильно переживал. Вот же дебил. И чего завелся сходу тогда? Крышу прям сорвало из-за его слов про Катю. Вспомнил, как самому стало херово, когда про Свету узнал... Так что теперь с этой Катей делать? Звякнуть ей надо. Вот, маму теперь обидел. Сидит, крошки по скатерти катает. А потом пойдет к себе и будет в подушку плакать. Вздохнул, поиграв желваками, сказал помягче:

– Я тебе все расскажу, только позже, мамуль. Вот работу найду, восстановлюсь на юридический, помогать тебе буду, как раньше, – отставив ложку, положил ладонь на ее правую руку. Слегка погладил тонкую кисть с колечками на всех пальцах. Кроме безымянного, где обручальное кольцо то появлялось, то исчезало. Мама улыбнулась, встала со стула, подошла к плите:

– Димочка, пока у тебя время есть давай сбегает на Северное, к Антонине Сергеевне. Она ж тебя так и не дождалась, – и отвернулась на миг, смахнула слезу украдкой.

А сама подумала: «Может так и лучше. Как тогда бы мы в глаза ей смотрели? Ужас. Димка же ей как внук стал...»

– Обещаю, мам. Съездим как-нибудь.

Иногда Дима уходил на всю ночь, не предупредив, куда, к кому. Марина даже вопросов не задавала, есть ли у него девушка после Светы. Чтобы не нарваться на резкость, при всей сыновьей любви...

Тем более она побоялась сообщить сейчас сыну, что у него вновь может появиться отчим. Мужчина, разведенный, с которым Марина Николаевна познакомилась на курорте этим летом, уже готов был переехать к ней. Но и эти планы нарушило неожиданное возвращение сына из Калининграда. Мужики оба характерные, а вдруг не поладят? «Господи, да за что же мне все эти проблемы?»

А ведь как все складывалось удачно. Вспомнилось, как тогда, три года назад, Антонина Сергеевна неожиданно им помогла с поступлением в Калининград.

«Царствие ей небесное», – Марина перекрестилась.

***

Этот случай казался фантастическим. Казалось бы, невозможным в реальной жизни. Но так думают только те, кто сам лично не встречался с необъяснимыми совпадениями. На грани чуда. Ломавшими напрочь законы статистики, физики и логики...

Дело было так. Через пару недель после ночного знакомства с соседкой, Дима оказался в квартире «Шапокляк».

Днем он, как обычно, после хлопотной ночной смены валялся на диване. Дежурный пост располагался сразу за главным мостом, что вел из города на юг. Левый берег, с пятницы на субботу, это что-то... Мама была на работе, сегодня в ее ЗАГСе было аж десять регистраций.

Сон никак не шел. Прислушался. В какой-то из квартир, совсем рядом, раздавались странные звуки: тихий скрежет и скрипы. Вдруг что-то тяжело грохнулось. Да еще со звуком бьющегося стекла. Шумели, очень похоже, в жилище таинственной бабули.

Димка инстинктивно вскочил, натянул майку и спортивные штаны и через несколько секунд оказался на лестничной площадке. Требовательно постучал в соседскую дверь костяшками кисти:

– Откройте, полиция!

В квартире все стихло, а потом прошелестели легкие шаги. Кто-то стоял у самой двери.

– Откройте немедленно, полиция, – повторил Дима на полтона ниже, вспомнив, что стоит в трениках и тапках.

– Я полицию не вызывала, – услышал в ответ из-за двери. Сказано было старческим, чуть дребезжащим голосом. Но с нотками металла.

– Это сосед ваш, Дима. Тот, который мент, а не бандит, – с усмешкой добавил, вспоминая первую встречу.

– А-а-а, – протянула «Шапокляк». – Что надо?

– У вас шум был, я подумал, что-то случилось. Может, помощь нужна? – Дима уже пожалел, что ввязался.

Соседка замолчала. Наверно, хотела послать подальше, но вежливо. Искала, видимо, слова. Однако через несколько секунд, скрипнув, дверь слегка распахнулась. В открывшемся проеме с высоты своего роста Дима увидел сначала голову в пестрой косынке, завязанной пиратской банданой. Из-под красных маков торчали взъерошенные волосы, обычно аккуратно уложенные. А чуть ниже седых прядей, поверх очков, висевших на самом кончике носа, на него усмотрели пытливые глаза.

– Да, помощь мне нужна, – оценивающе обвела соседка взглядом мощные плечи парня и ухмыльнулась. – Заходи, коль не страшно.

Дима вошел и, странное дело, ощутил холодок между лопатками. Не от опасности, которую профессионально почувствовал бы сразу. А скорее от легкого налета нереальности. Может виноват был полумрак, царивший в прихожей? Или зловещий хохоток странной бабули? Хотя, скорее всего, проявился хронический недосып.

Соседка стояла перед ним. Во фланелевой ковбойке и трикотажных трико. Перепачканные чем-то руки были скрещены на груди.

Диме вдруг стало смешно. Да какая это пещера Минотавра⁷? Это скорее сюжет про визит пионера к Бабе-Яге из мультика, который он смотрел еще пацаном. Как же того звали? Ваня, Петя? А-а, Ивашка! «Ивашка из дворца пионеров». Точно.

Незадачливый Ивашка должен был оказаться угощением для гостей. Закуской на день рождения коварной сказочной злодейки. А что приготовила ему эта милая старушка?

В комнате за спиной у «Шапокляк» царил разгром. Возле древнего шкафа на полу валялись какие-то ящики, бумаги, книги, сломанная швабра. В луже блестели осколки вазы.

---

⁷ Свирепое мифическое существо, имеющее тело человека и голову быка. Обитало в лабиринте на острове Крит

– Как к вам можно обращаться? – поинтересовался вежливо.

– Зови Антониной Сергеевной, – прозвучало в ответ вполне миролюбиво.

Выяснилось, что соседка, наконец, решила разобрать вещи после переезда. Собралась сама передвинуть шкаф, уложив под ножки шкурки от сала и сырую картошку. Попыталась орудовать шваброй как домкратом. Сверху упала ваза, ящики с документами. Тут и Дима подошел.

Он помог передвинуть шкаф. Устроили поудобнее в углу диван. Тот был старинный, с круглыми, обтянутыми черной кожей валиками по краям. И еще с маленьким зеркалом и шишечками на спинке.

Когда возились с мебелью, незапертая дверца шкафа на секунду отворилась. Стоявшая рядом соседка мигом ее захлопнула. Но Димка успел заметить какой-то парадный китель. С золотыми погонами полковника.

Китель был с кантом характерного василькового цвета.

Теперь все встало на свои места. Командный голос, острый взгляд, нога, готовая к удару. «Шапокляк» однозначно была из органов. Чекистка...

Эффект Домино 8. Ангел. Прошлое

Антонина родилась в далеком тысяча девятьсот тридцать восьмом. Младенцу очень повезло с именем.

Родители хоть и были идейными, но умудрились назвать дочку не по моде, хотя вполне могли подпортить ей жизнь экзотическим именем. Нарекли бы, скажем, из любви к точным наукам, Алгебриной. Или, гордясь столицей великого Советского Союза – Авксомой⁸. Не говоря уж про несчастных Даздраперм⁹ первых лет революции.

Бог миловал, девчужка стала обычной Антониной. Правда, сказать папе с мамой за это спасибо, девочке так и не удалось. Едва малышке исполнилось три, как началась война, в ходе которой Тоня осталась сиротой. Хорошо хоть не совсем круглой. На юге, в крупном городе, оставалась родная тетушка, которая чудом уцелела в августе 1942 года по время гитлеровской оккупации. Полуживая, с тремя ранениями, выползла ночью из Змиевской балки. Под пулеметами. И, вопреки прогнозам врачей, выжила. Только ноги с тех пор работали неважно.

Но наличие близкой родственницы Тоня обнаружила лишь после войны. А сейчас впереди был стандартный путь для детей того времени: детдом, интернат, школа. Потом столичный институт в Ленинграде. Бойкую, задорную девушку без колебаний выбрали сначала комсоргом группы, а потом и всего курса. Тоня любила командовать, особенно доставалось от нее пацанам. Те опасались «Тоньку-язву» и копеечные взносы платили безропотно.

Яркая, способная студентка привлекла внимание кадровиков ВУЗа. Они точно знали, что «оттепель» когда-то закончится и вновь наступят правильные времена. Нужно готовить смену. Да и стреляла Антонина неплохо. Тренеры секции пулевой стрельбы в клубе ДОСААФ¹⁰ пророчили ей блестящую карьеру.

Однажды девушку пригласили в Первый отдел. Да, именно так, с заглавной буквы. На беседу. Вышла Тоня оттуда уже «Вдовой». Видно, новому агенту такой псевдоним присвоили по аналогии с «сиротой». Местный «товарищ майор» явно тяготел к «черному» юмору.

Снова продолжилась учеба, но уже иная. В институте, вполне мирной направленности, училось немало иностранцев. Приходилось среди них искать вражеских шпионов. Отрабатывать, так сказать, навыки оперативной и агентурной работы в условиях «холодной войны»¹¹.

Случались и командировки, порой даже длительные. С выполнением особо важных «практических» заданий. На одном из них «Вдова» познакомилась с молодым человеком.

Это был технический специалист, привлеченный оперативным отделом для установки сложной аппаратуры. Их мини-группе было поручено важное задание. Требовалось оснастить одну из двух комнат московской коммуналки в районе Чистых прудов средствами негласного наблюдения.

В первой комнате уже два месяца проживала «Вдова». Студентка-заочница, снимавшая жилье в столице на время сессии. Их «подопечный», подозреваемый в шпионаже, сотрудник номерного «почтового ящика»¹², жил в соседней. Остальные две были опечатаны жуткими лиловыми печатями и временно пустовали.

В тот день удалось организовать сверхурочную занятость «объекта», с гарантией позднего возвращения. Ничто не предвещало беды. Засов был предусмотрительно задвинут. Работа

---

⁸ Слово-перевертыши от исходного (Москва)

⁹ От сокращенного лозунга «Да здравствует Первое Мая!»

¹⁰ Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту СССР

¹¹ Термин «холодная война» впервые был употреблен писателем Дж. Оруэллом в статье 1945 года «Ты и атомная бомба»

¹² Открытое служебное наименование заводов и организаций оборонного характера в СССР

в Тониной комнате была в самом разгаре, техник возился с кучей проводов и странного вида приборов, когда внезапно раздался стук во входную дверь.

Тоня запаниковала. На входной двери со стороны подъезда стоят четыре разномастных звонка, каждый с фамилией, зачем же стучать? Случайный прохожий? Ну да, случайный..., этаж ведь последний, четвертый. Да еще в тупике подъезда, вряд ли.

В дверь постучали повторно, да еще и подергали, загремев створками. Вдобавок ботинки «техника» стоят у самого входа на половичке. Что делать?

К счастью, куда более опытный напарник не растерялся и предложил штатный вариант прикрытия. Инструкция Комитета предусматривала все возможные случаи.

В общем, требовалась срочная имитация пикантной обстановки. «Подопечный» должен был поверить, что в соседней комнате случился факт интимной связи, и очевидно, преднамеренной. Тогда станет понятно, почему в коммуналке находится посторонний мужчина, а входная дверь оказалась заперта на щеколду.

«Техник», немедля залез в кровать. Как был, в штанах и куртке, укрывшись по шею одеялом. Тоня же, наскоро растрепав прическу и почти до пояса расстегнув блузку, на дрожащих ногах направилась к входной двери. По пути задела плечом висящий на стене велосипед, который обрушился на пол с лязгом и грохотом. Напарник Антонины приготовился к проблемам. Осторожно нащупал в кармане брюк рукоятку штатного «ТК»¹³ и переключил флажок предохранителя.

Но все обошлось. Это был всего лишь почтальон. А не звонил в нужную квартиру, так как, он выразился, хрен разберешь, что тут на ваших табличках написано...

Вернувшись в комнату, «Вдова» увидела в своей постели мужчину. Очень, кстати, симпатичного. Девушку так колотило от переживаний, что галантный «техник» не мог не предложить даме согреться...

Аппаратуру они все-таки в тот вечер установили. Но много позже, наплевав на инструкции о недопустимости неуставных отношений между коллегами. Ну, конечно, если Родина не прикажет.

Перед расставанием, вопреки таким же категорическим запретам, счастливая парочка сфотографировалась в парке им. Горького. У напарника «Вдовы» был свой фотоаппарат. Нажать на кнопку импортной «Лейки» попросили вихрастого мальчишку в тубетейке, что пробегал мимо.

Проявили пленку и напечатали фотографии, всего две штуки, в ателье на другом конце Москвы. Заодно потренировались уходить от наблюдения и слежки. Пока ехали туда, десять раз пересаживались на разных станциях метро.

Кстати, их подопечный оказался невинным, как младенец. Нет, конечно, за ним водились разные грешки, живой же человек. Но Родину любил и секреты ее хранил стойко. «Протечка» потом нашлась в другом отделе секретного завода.

Никто об этом случае так и не узнал. Нужно признать, что все описанное случилось еще до поступления Антонины на технический факультет номер четыре. Очень престижного вуза – Высшей школы КГБ. Там такие шалости даром бы не прошли.

... Пожелтевшее фото затерялось в Тониных бумагах. Почти позабытое, но такое дорогое воспоминание «Вдовы» из юности. С любовью из прошлого. Волнующее приключение, без горечи и сожалений.... Но не без последствий.

Упав со шкафа, старая фотокарточка превратилась в очередной камень неумолимой цепи событий.

---

¹³ ТК (Тульский, Коровина) – советский самозарядный малогабаритный пистолет, калибр 6,35мм

Эффект Домино 9. Элвис или первая любовь

После совместной борьбы со шкафом и диваном Антонина Сергеевна совсем подобрела.

– Димон, чайку попьем? – предложила она уже по-свойски. – Устала я что-то.

– Самое время, – с охотой откликнулся Дима. Фамильярность бабули его покорила, но пришлось сдержаться. Очень уж интересная особа эта «Шапокляк». С погонами подполковника. Да еще госбезопасности. – Я осмотрюсь?

Соседка не ответила, только шумно возилась на кухне, громыхая посудой. Дима пару раз прошелся по комнате, с любопытством разглядывая обстановку. Доисторическая радиола на ножках. Присел, пощелкал клавиши «Ригонды» – работает. Трюмо с мутноватым зеркалом, пыльный фикус. Массивный письменный стол с зеленым сукном в чернильных пятнах. На одной из тумб красовался массивный навесной замок. Пахло пылью и лекарствами.

В левом тапке вдруг захлюпало. «Вот черт, в лужу наступил». Осколки вазы и засохшие цветы они сразу подобрали, а лужа осталась. Швабра-то напололам.

– Антонина Сергеевна! – позвал он хозяйку. – У вас тут бумаги в воде мокнут. Те, что сверху свалились. Подобрать?

– Не трогай, – тут же прикрикнула та строго и сразу заглянула в комнату. Убедившись, что Дима послушно разогнулся и, видимо, пожалев свою спину, коротко кивнула:

– Ладно, собери. И разложи на столе. Пусть сохнут. Сейчас чай будем пить. Колбаски только подрежу, – смилостивилась «Шапокляк» и снова убралась на кухню.

Дима сгреб в охапку кучу листочков, конвертов, открыток и прочей бумажной ерунды, которая годами копится на антресолях в каждом доме. Пожилые люди обожают хранить свои ценности в старых фанерных посылочных ящиках, сохранивших еще обрывки бечевки и шоколадные кляксы сургучных печатей. Такой вот и грохнулся со шкафа. Хорошо хоть не прибил старушку.

Стал раскладывать поднятые бумаги и остановился. Из сложенного пополам листка выпала небольшая фотография. Снимок был пожелтевшим от времени, с фигурно вырезанными краями, как делали в фотоателье.

Кадр был чуть кривоват, хотя мастер явно пытался картинку выправить. На фоне деревьев и колеса обозрения в обнимку стояла пара. Слева молодая девушка с осиной талией. Стройность фигуры особо подчеркивало платье с туго затянутым пояском. Нежный овал лица, пухлые губки, лукавый взгляд. На макушке какой-то странный начес. Барышня чем-то напоминала кинозвезду шестидесятых.

Дима перевел взгляд на спутника.

Парень в рубашке апаш. На согнутой руке – то ли пиджак, то ли куртка. Высокий, на две головы выше спутницы. Смуглое мужественное лицо. Глаза большие, чуть навывкате. И по-детски открытый взгляд. Прямой, чуть насмешливый. Но явно добрый. Волосы густые, зачесанные назад, распадающиеся на волнистые пряди. Похож на Элвиса Пресли. Только подбородок не такой выступающий и острый. Просто красавчик.

По работе Диме приходилось иметь дело с фотороботами. Он хорошо знал классификацию овалов, форм носа, ушей, особенности разрезов глаз и линии волос.

И сейчас, рассматривая фото, не мог отвязаться от ощущения, что уже видел эти лица. Но не в служебной картотеке розыска. Услужливая память, словно на экране монитора, прогоняла ленту из разных физиономий. В задумчивости свободной рукой почесал нос. Но все было не то. Мысль ускользала, таяла...

За этим занятием его и застала чудная соседка. Она взяла фото из рук, взглянула. В линзах очков блеснули какие-то искорки. Или это мигнула лампа под потолком? Посмотрела еще разок, будто приглядываясь. Вздохнула и положила обратно на стол.

– Пошли пить чай, пока не остыл. – Былая сталь в ее голосе совсем исчезла.

Чаевничали они на кухне, не менее «антикварной»: клеенка в клеточку, кактусы на подоконнике, колченогие табуретки. Антонина Сергеевна между делом сообщила Диме, что она тоже из органов. «Все-таки заметила, как я увидел форму в шкафу», – понял Дима.

– Сама я не из этих мест. Давно на пенсии. Очень давно. – вздохнула грустно. – Жилье под Ленинградом продала. Климат сырой совсем замучил. Ревматизм и прочие болячки. А сюда переехала в квартиру умершей тетушки. Та уже давно оформила на меня дарственную. Да все откладывала переезд. Хлопотно ведь, – поведала соседка.

Дима слушал и вежливо кивал, прихлебывая из шерботой кружки. Да, он помнил пожилую женщину, как оказалось, тетушку Антонины Сергеевны. Кажется, ее звали тетя Аделя. Та редко выходила из квартиры, болели ноги. И как-то незаметно для всех однажды ушла навсегда.

Ночью Дима внезапно проснулся. Он узнал тех людей в парке. С фотографии ему улыбались молодая «Шапокляк» и... родной дед Коля.

***

...Как и любой нормальный мент, Димка не был особо впечатлительной натурой. Какие там нежные чувства, когда по работе приходится описывать в протоколе состояние, к примеру, трупа, жертвы ДТП. Без основных, обычно прикрепленных к телу, частей.

Ребята хохмили, покуривая, а он невозмутимо записывал в протоколе осмотра: «...в результате травматической ампутации, нижняя часть голени и ступня в белом носке, находились в трех метрах от автомобиля «Мазда-3», госномер***, и в метре от обочины». Ну и так далее.

Этой ночью Дима крепко спал. Все-таки вырубился намертво уже под вечер, после дежурства и визита к соседке. «Шапокляк», может в чай что-то подсыпала», —мелькнуло уже в ускользящем сознании. И провалился в сон, в котором дедушка Коля пришел к нему в гости. Молчал, улыбался по обыкновению. Не торопился отвечать внуку на вопросы.

Дмитрий никогда не видел Николая Семеновича молодым. В жизни любимый дед всегда был старым. В домашних альбомах не было ни одного его снимка моложе пятидесяти лет. И это было удивительным. Ведь дед Коля любил фотографировать и знал в этом толк.

Когда Димка подросток, он спрашивал об этом маму, но та отвечала уклончиво. Работа, мол, такая была у него, особенная...

А тут такое! Провел по лицу ладонью, смахнув холодные капли пота. Вот теперь все и вылезло. Занятная история. Непроснувшийся мозг обожгла догадка: «А вдруг «Шапокляк» моя бабушка? Тайная? А мама – ее дочка? А кто же тогда моя бабушка Лена? – сон совсем прошел. «Вот, блин, замутили «родственнички». Еле дождался утра, разбудил ни свет ни заря Марину Николаевну.

Мама, как и стоило ожидать, спросонья сначала замахала руками на Димкины предположения, а потом впала в ступор.

«Так, я родилась в семьдесят третьем, – лихорадочно соображала Марина Николаевна. – Папе было уже тридцать шесть, он поздно женился. Значит, был бы жив, ему сейчас было бы под восемьдесят. Ой! И соседке примерно столько же? Господи!»

Стоп. Тут она поняла, что они с Димкой несут дикую чушь. Которая могла привидеться только в ночном кошмаре. Марина Николаевна вспомнила, что родила ее никакая не соседка Антонина, а родная мама, Лена Васильевна. От сердца отлегло.

Но стало очень, просто невероятно как интересно: «Откуда у соседки фото отца? Да еще в обнимку, как сказал Димка. И оба улыбались счастливо?» – не давало покоя чисто женское любопытство. – Никогда папа не упоминал о чем-то подобном. Интересно, а мама знает? Ну чего я несу? – оборвала сама себя. Папа вообще ничего нам с мамой про работу не рассказывал,

все отшучивался. Тем более про личную жизнь... Нужно пойти к ней и объясниться. Прямо сейчас. Рано только, всего шесть, все-таки неудобно».

Было часов семь утра, когда из прихожей послышался настойчивый стук в дверь. «Видимо звонок сослепу не увидела», – подумала Марина Николаевна, нервно гася сигарету. Она давно не курила, а тут пробило. А Димка, как был в трусах и футболке, кинулся к двери. И тоже даже не спросил – кто там? Знал уже.

На пороге, с торжественным лицом, стояла всклокоченная Антонина Сергеевна. Так и есть, без очков. И держала в руках у груди «загадочную» фотографию, как икону в крестный ход. Она тоже ночью спала плохо. Все вспоминала, кого ей так напоминал этот здоровяк Дима.

Сцена была трогательной, но не лишенной налета идиотизма.

«Шапокляк», потеряв былую заносчивость и апломб, мягко тыкалась носом в плечо Марины Николаевны. Плечи соседки мелко вздрагивали. Эти люди вдруг стали для сварливой старушки самыми близкими за последние двадцать лет одинокой жизни.

Димка, потерянный, как пингвин в Африке, топтался рядом и иногда пытался обнять своими ручищами обеих женщин. Но «Шапокляк» каждый раз зябко передергивала плечами, сбрасывая неуклюжие объятия. Старушка опасалась этих прикосновений, побаиваясь проявить к парню более нежные чувства. Ведь на лицо Дмитрий был почти копией того Николая, которого юная Тоня старалась забыть и почти забыла...

Или ей казалось, что забыла. Но, как иногда случается у женщин с первым мужчиной, любила потом всю жизнь. Даже не признаваясь себе в такой душевной слабости.

Эффект Домино 10. Генерал Петенька

Соседка теперь часто заходила к ним в гости. «Шапокляк» помнила уйму интересных историй из своей прежней жизни. Дима, навещая родной дом в перерывах между дежурствами и Светой, заслушивался ее рассказами. Темой, почти всегда, были «шпионские» страсти. Иногда, в буквальном смысле слова.

Однажды, уже в мае, когда Димка был на работе, в разговоре с Антониной Марина Николаевна посетовала на то, что сын занят не своим делом. Поделилась наболевшим:

– Вы знаете, Антонина Сергеевна, я очень переживаю за Димочку.

– С чего это вдруг? – блеснула та очками заинтересованно. – Парень не дурак, работа у него есть. И неплохая. Люди вон деньги платят, чтоб к такой кормушке пристроиться, а Димка сам всего добился.

– Да мало ему этого, я же вижу. Деньги к нему да, идут, но он растрывкивает их вмиг. Дурные деньги и уходят так же глупо. На баб, или чтобы посидеть там с друзьями, шмотки новые все время нужны. А тут с работы придет, слова не вытянешь. Уставится в скатерть и жуёт молча. Раньше делился со мной всегда, с самого детства.

– А может не работа его расстраивает, Марина? Он уже вон бугай какой, весь в Коленку красавчик, а живет с мамой. Куда ему девушек водить, на диван к себе? От тебя через стенку?

– Да есть у него куда ходить. Со Светой он встречается, есть одна такая...

– Что за особа? – с ревностью в голосе заинтересовалась «Шапокляк», чуть не опрокинув блюдце с чаем. Пила она его вприкуску, с шумом сёрбая крутой кипяток.

– Хорошая девушка, дизайнер, из обеспеченной семьи. Дима сам у нее часто ночует. Любят они друг друга. Вроде все серьезно у них.

– Так в чем дело-то, непонятно мне, Марин?

– Да стесняется он того, что простой мент. Да еще и гаишник-коррупционер, как за глаза их называют. А Димка всегда военным хотел стать, как мой папа. И еще как-то признавался мне, что мечтает работать в ФСБ. Вот это работа точно для него, я же знаю, он очень способный и умный. Только как туда попадешь. Связи, деньги нужны большие, а где взять?

– Ну да, прям как дед его, Николай, – продолжила соседка задумчиво, машинально звякая ложкой в пустой вазочке для колотого сахара...

Антонина Сергеевна всегда принимала решения быстро. Иначе бы «Вдове» не выжить среди «волков».

Пригодились опыт и связи. Оперативно были подняты знакомства, «проснулись» нужные люди. Кто-то помнил Тоню еще смазливой курсанткой. А кое-кто вспоминал ее неожиданно железную хватку. Веселая хохотушка не раз брала коллег за те места, которых никто не желал лишиться. Держала цепко, как учили. В школе настоящих овчарок сыска, пусть даже технического.

Не отпустила «Вдова» и в этот раз одного своего старого знакомого. Пусть он останется генералом для всех. Для нее же как был Петенькой, так до смерти и останется...

***

Ночной звонок спецсвязи разбудил Петра Григорьевича на даче. Дежурный, срывающимся от волнения голосом, доложил: «Вас срочно требует «Второй».

Д-да, слушаю вас, товарищ... – чуть заикаясь спросонья, хрипло начал представляться Петр Григорьевич.

– Товарищ? – глухо забулькал голос абонента. – Тамбовский волк тебе товарищ.

От знакомых фраз, да еще произнесенные его же собственным голосом, генерал оцепенел. Дыхание почти остановилось. Это ведь его любимые слова. Ими он пользовался с особым удовольствием. Говорил с растяжкой, понимая их конечный смысл.

– Петенька, ты что затих там? – раздался вдруг в трубке дребезжащий старушечий голос. – Да это же я, «Вдова». Да, да, та самая. Хорошо хоть... что не жена твоя. Бог миловал, – в трубке раздалось скрипучее хихикание.

Петра Григорьевича пробила испарина: «Тонька! Ни хера себе. Жива еще?» Этому агенту частенько поручались ответственные задания по скрытному наблюдению за контактами лиц особой значимости. Коньком «Вдовы» были самые изощренные способы аудио и видео фиксации интимных контактов. И не только шпионов.

Щелк – и фото объятий в подъезде. А вот – и перед тобой во всех деталях разворачивается любопытнейшая сценка в постели: «...Дорогой, еще-е-е, прошу тебя-я-я, не торопись», – скрипы, сбивчивый шепот... Все оставалось в памяти бесстрастной аппаратуры.

Под наблюдением находились все. Или почти все. Петр Григорьевич провел немало интересных часов, просматривая оперативные пленки наблюдения.

«Вдова», как призрак, возникла из прошлого. Да еще с просьбой о помощи. Как тут отказать? Память услужливо подсунула приятные воспоминания. Тоня была агентом с фантазией. И разница в возрасте не стала помехой, когда однажды Петр Григорьевич решил поближе познакомиться с перспективной сотрудницей...

К тому же «фонотеку» за время службы, видать, приличную собрала. «Черт его знает, подумал генерал, – что еще у нее в запасе найдется? Какую пакость на свет может вытащить?» Покосился опасливо на дверь в спальню жены.

Утром Петр Григорьевич первым делом взялся за телефон.

Дело оказалось не таким уж сложным. Не в пример, как год получилось с двоюродным племянником. Не удалось тогда вытащить Павлика из щекотливой ситуации. Генерал лишь горестно вздохнул.

Была еще та история. Паша попал по полной программе. Родственники жертвы новогодней аварии никак не шли на примирение. Деньги не помогали. Попытался поднять связи. Чтобы хоть срок по минималке. И это не получилось.

А куда деваться? «Се ля ви». Генерал давно уже не был «Первым». И получил в ответ от начальства полный отлуп: «Григорыч, ты что? За родственничка вздумал заступиться? Сиди и не рыпайся! Сам знаешь – не время. На наше управление кадры давно глаз положили. Молодежь подросла, зубы прорезались. Вмиг голову ампутируют. С должностью твоей вместе». В утешение смутно обещали посодействовать парню с УДО. Да забыли видать...

А тут всего лишь с поступлением помочь. Тем более протеже «Вдовы».

***

На «семейном» совете с Антониной Сергеевной, мама и Димка обсуждали несколько вариантов, куда пойти учиться. Выбор пал на Калининградскую пограничную академию ФСБ.

Словом, картинка складывалась как нельзя лучше. Возраст для поступления, хотя и на пределе, но пока проходной. Не закрывала дорогу в вуз и школа милиции. Все-таки среднее профессиональное образование, что позволяло носить погоны офицерского состава. Но младшего, выше капитана без «корочки» не прыгнешь.

Димке же хотелось быть успешным. Хотя по жизни и так шел бодрым шагом «везунчика». Легко находилась работа. Но этого было мало. Удачливый и дерзкий, он любил ходить по грани. Балансировать между «можно» и «нельзя». И случалось не раз, что вполне искренне путал местами эти понятия. Любимым сериалом парня была сентиментальная «Кухня». Однако это никак не мешало Диме при случае разбивать чужие носы. Впрочем, своей крови младший лейтенант полиции не боялся тоже.

С женщинами вообще не было проблем. Только вот недавно появились, причем весьма обидного для самолюбия характера. Эх, Света, Света...

Калининград же помогал решить все разом. Получить высшее образование, диплом юриста. Потом – карьерный рост, деньги. А еще – возможность превратить риск в профессию. И азарт погони. Когда выброс адреналина заставляет сделать единственный выбор: бей или беги!

Обычно Димка предпочитал действовать комплексно: догонял и бил. Пока однажды не погнался, как позже выяснилось, за собственной судьбой. А догнав, не только не узнал, но и отметелил с коллегами на пару. Жестко так, по зубам и ребрам.

Но к этому времени Калининградский институт пограничников был уже давно позади. Как и груда доминошных костей, уже сбитых Димкой на жизненном пути.

Эффект Домино 11. Что такое «ПВ»?

Доводились ли вам когда-нибудь бежать со скоростью велосипедиста? И не десять метров вдогонку уходящему автобусу. А целых три километра, стараясь уложиться в пятнадцать минут.

Легкие всасывают с хрипом воздух, ты задыхаешься. Дикая боль под ребрами. От переизбытка крови вот-вот лопнет селезенка. Или первой разорвется печень? Бежишь почти в отключке, как зомби. Но не можешь перейти даже на шаг. Потому что тогда – провал и аллес капут. Короче, писец, со свистом вылетишь. В спину тебе еще четыре претендента тяжело дышат. А попытка всего одна.

После кросса Димка чуть не сдох. Дотянул до финиша только на характере, но тест Купера¹⁴ все же прошел. Позже ему объяснили удивительную пользу бега. Доходчиво, на живом примере, раскрыли истинный смысл букв «ПВ», что раньше красовались на погонах пограничника:

– Курсант Корбашов! Три шага из строя!

– Есть!

– Год основания пограничной службы?

– Тысяча восемьсот девяносто третий!

– Главная задача пограничников?

– Охрана и оборона государственной границы!

– Как расшифровывались буквы «П» и «В» на погонах?

– Пограничные войска!

– Неверный ответ. Это означало: «Поймаю, вы***у»! Так что или убегай быстро или тебя отымеют. Теперь ясно?

– Так точно, товарищ старшина.

В этот год на одну из «престижных» специальностей института претендовало четыреста человек, а поступило всего... двенадцать.

И виной был не только фантастический конкурс. Половину желающих даже не допустили к экзаменам. Требования по физподготовке были сродни конкурсу на супергероя. А где найти столько Ван Даммов и Шварценеггеров? Кто-то сломался на кроссе. Кто-то повис мешком на перекладине, так и не дотянув до шестого подтягивания.

Из удачливых бегунов и атлетов еще половина тупо не прошла личностных тестов. Испытаний на полиграфе, детекторе лжи. Причем восемь из десяти провалившихся соврали насчет личного знакомства с наркотой.

Потом, на внутриведомственном совещании, начальник института приводил сей печальный факт, как абсолютный нонсенс. «Куда мы катимся? – вопрошал он коллег риторически, докладывая об итогах набора курсантов, – если в институт ФСБ уже потянулись любители конопли и героина».

Димка тогда этого, конечно, не знал. Прошел тест спокойно, не потел и не дергался. Помог, конечно, опыт работы в полиции, но не только. Просто врать и придумывать ничего не пришлось. Он реально не уважал торчков. И к дури вполне сознательно даже не притрагивался ни разу.

Словом, поступил он на заветную «Пограничную деятельность». Как иначе? Любимый дед Коля со своей «пуговкой в пыли» был бы доволен. Да еще у специализации было убойное

---

¹⁴ Общее название ряда тестов на физическую подготовленность, созданных американским медиком К. Купером в 1968г. для армии США

название. «Оперативно-боевая деятельность подразделений специального назначения». Куда уж круче? Димка же всегда считал себя прирожденным опером.

Дело было, конечно, не только в везении... Звонок генерала Петра Григорьевича своему бывшему подчиненному расставил в этой цепочке все камни по своим местам. Кроме одного. Оставшегося у судьбы в запасе на случай, если все пойдет хорошо.

...Мама была просто в восторге. Она прилетела на присягу и не могла оторвать взгляд от сыночка. Статного, красивого. В парадной форме.

«Слава тебе господи, – думала Марина Николаевна, – сбудется Митина мечта. Теперь у него такие возможности, всего, чего хочет добьется». – С любовью поглаживала рукой замечательные янтарные бусы, подаренные сыном. Теплые. Пропитанные солнцем и ее радостью.

«Видел бы папа, царствие ему небесное если бы дожил, гордился бы внуком. Какая же я счастливая. Жаль, что Антонина не смогла выбраться. Загранпаспорт оформлять, говорит, мороки много, на поезде если ехать. А на самолете – здоровье не позволяет, не девочка уже».

Дима слегка расстроился, что «Шапокляк» не приехала, и, когда мама уже улетаала домой, передал подарок для Антонины Сергеевны. Целый ящик балтийской корюшки. Свежего копчения. По которой так скучала бабуля, принюхиваясь на рынке к местной донской таранке.

Соседка успела порадоваться подарку из Калининграда. Запах корюшки напомнил ей послевоенное детство. Малышей кормили ею почти каждый день в детдоме под Ленинградом. Хохотушка Тоня называла рыбку золотой и перед тем, как съесть, обязательно загадывала желание.

Она представляла, как в один чудесный день за ней приходят мама и папа. И поднимают на руки свою доченьку. Она бы обняла их крепко-крепко и никуда больше не отпускала. Никогда.

И родители оправдали Тонины ожидания. Они встретились. Правда, с большим опозданием. Почти на восемьдесят лет. На втором курсе Димкиной учебы не стало и самой Антонины Сергеевны. Ушла так же тихо, как тетушка Адель.

Похороны организовывал военкомат. На бархатных подушечках поблескивали многочисленные награды «Вдовы». На прощании присутствовало несколько никому не знакомых людей в штатском, стоявших отдельной группкой. До Марины донеслось несколько обрывочных фраз о каких-то пленках, которые соседка незадолго до смерти передала в органы. Типа записей из личных архивов. Что послушать нужно обязательно, может есть чего интересного...

На этот раз обошлось без залпов холостыми. Военного оркестра также не было. Иначе Антонина Сергеевна, будь в состоянии что-либо воспринимать, очень удивилась бы звучанию марша «Коль славен»¹⁵ над собственной могилой.

Будучи офицером госбезопасности, она просто обязана была перевернуться в гробу, услышав, как родное государство прощается с героями невидимого фронта под музыку с весьма специфической историей.

Полное название марша звучит так: «Коль славен наш Господь в Сионе». А еще он являлся «священным гимном» русских масонов. И также считался вторым гимном Российской империи, а потом белых эмигрантов, сбежавших из большевистского «ада». В добавок, во время Великой Отечественной, очень почитался в «освободительной» армии генерала Власова...

Незадолго до этого Антонина горевала:

– Не будет рядышком моего Коленьки, – соседка была в курсе, Марина Николаевна рассказал ей историю с рыбалкой и что тело так и не нашли. – А то лежали бы вместе, болтали о своем...

---

¹⁵ Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов ВС РФ» Гл. 12 Отдание воинских почестей при погребении, ст. 392

Марина Николаевна согласно кивала, хотя внутренне поживалась. Она как-то вскользь говорила соседке, что Коленька был «моим» скорее для ее мамы Лены. Но Антонина сочла факт наличия живой супруги Николая не стоящим внимания недоразумением. Марина смирилась и вопрос более благоразумно не поднимала. Все ради Димочки...

– Так получилось, Марин, что вы моя единственная родня. Детей у меня не было, еще девчонкой насмерть простудила живот. Мужиков то хватало, я особо не скромничала. Все надеялась, что ребеночка мне кто-то сделает... А вот Коленька все равно мой единственный, – старушка по-птичьи склонила голову вбок, подперев щеку сухим кулачком. – Как там, кстати, Дима поживает, звонит тебе часто?

Марине было стыдно за сыночка, что редко названивает соседке, и она рассказывала, что Димочка настолько занят, что сама редко слышит его голос.

, Дима так и не смог толком поблагодарить соседку за поступление в пограничный институт. Позвонил через недельку после зачисления. Скороговоркой выпалил несколько дежурных фраз, пожелал здоровья. Потом набирал пару раз. «Еще успеется. Вот приеду в отпуск, поболтаем, время будет», – думал он.

Где-то к весне, ближе к окончанию второго курса парня совсем замучила совесть. И три дня он пытался дозвониться Антонине Сергеевне. Маму не набирал, из суеверия. Не хотел слышать плохие вести.

Тоня хорошо ладила с техникой. Сигналом к его номеру «Шапокляк» выбрала песню Ирины Аллегровой «Младший лейтенант». А в качестве Диминой аватарки разместила скансфото молодого Николая. Где они были вдвоем. Молоды и счастливы.

После похорон Антонины, Аллегрова еще какое-то время задорно пела в пустой квартире, раздражая соседей снизу, которые Иру терпеть не могли. Хотя знали, что «императрица» российской эстрады родилась в их родном городе. Называли ее тогда просто Ирочкой Саркисовой, и до девяти лет голосистая девчужка жила на улице Шаумяна, рядом с Большой Садовой.

Марина только вздыхала и плакала. Диме она тоже не хотела звонить – расстраивать. Через три дня аккумулятор в стареньком телефоне «Шапокляк» сел навсегда.

Квартиру Антонина Сергеевна завещала Диме. Словом, сделала все, что могла за свою такую короткую длинную жизнь.

Эффект Домино 12. Шпионские страсти. Матиас Руст

Удивительно, но самые приятные воспоминания от пребывания в Калининграде у Димки остались от «КМБ», курса молодого бойца. Назначение этого армейского «чистилища» – грубая санитарная обработка нежных гражданских душ.

Основными компонентами этого замечательного процесса являлись три вещи. Доведение до автоматизма готовности на любую глупость отвечать строго по уставу: «Есть!» или «Так точно!» Выработка иммунитета к собственным мыслям. И самое главное – обретение счастливой уверенности идиота, что командир всегда прав.

Но это, если без фантазии подходить. Димка же к прохождению КМБ отнесся творчески. Строевую подготовку на плацу ненавидел еще со школы милиции. Да и зубрежка уставов не вставляла. Поэтому первые недели парень отлеживался в санчасти, успешно симулируя дизентерию.

Успешному выздоровлению больного мешала особая благосклонность майора медицинской службы. Статной, стриженной брюнетки Лидии Станиславовны.

Вскоре на соседней койке в общей палате оказался Олег. У него выявили необычную форму аллергической реакции. Лидию Станиславовну профессионально заинтересовали странные симптомы у новых пациентов. Поэтому поступило указание перевести недомогающих курсантов в отдельную офицерскую палату. На двоих.

Вернее, на троих. Незамужней Лидочке нравились рыжие тоже. Так они стали с Олегом «молочными братьями». Товарищ майор обожала плюрализм и не только идеологический.

Но после присяги «увлечение» прикладной медициной быстро закончилось. Не до того было. Запредельные физические нагрузки и без того выматывали вчистую. Дима быстро согнал лишний жирок, накопленный в ГАИ. Признаться, никогда ему не было так тяжело как сейчас. Даже трудности поступления померкли от нагрузок на его накаченные плечи и беспокойную голову.

Будучи любознательным по природе, учился Димка азартно и упорно. Выкладывался по полной. Всегда рвался в первые и не тормозил. Даже когда нужно было остановиться. Как потом, на плацу.

Хорошо, что Олечка был всегда рядом. И такой тандем помогал им ходить в красавчиках. Парни помогали один другому сколько хватало сил. Подбадривали, а если надо и тащили на себе во время кроссов, страховали на опасных тренировках. Хотя в спарринге предпочитали все же не работать, берегли друг друга.

И как особое наваждение всегда хотелось конфет. Шоколадных, карамели – любых, лишь бы сладких. Хотя кормили вполне прилично, молодые тела неустанно требовали еще углеводов и глюкозы. За батончик, казалось, все бы отдал. Доходило даже до крови. К счастью, пока донорской, за сдачу которой курсантам полагалось усиленное питание. А есть хотелось всегда. Вот так проливала молодежь свою кровь в мирное время. Пока за еду. Словом, делились всем: водой, хлебом, конспектами. А потом, как часто бывает, на женщине дружба сломалась.

Любимыми предметами молодого курсанта стали занятия по оперативной подготовке, стрельбе и оружию. А еще все, что было связано с техникой. Любопытство к приборам, аппаратуре, всяким хитрым шпионским штучкам разбудила в Диме Антонина Сергеевна еще на «гражданке».

Несколько месяцев до поступления они с мамой слушали бесконечные воспоминания разговорчивой «Шапокляк» о работе в Комитете. Конечно, это были времена молодости заслуженной чекистки. Когда вовсю бушевала шпиономания, а на фронтах идеологической войны кипели бои и велись тайные сражения.

Особое место в воспоминаниях соседки занимали разнообразные секретные приспособления и курьезные случаи из жизни разведчиков.

Сам термин «Spion» в числе прочих германизмов давно укоренился в русском языке. Хотя любители певучего итальянского предпочитают в качестве исходника куда более романтическое определение – «spione».

Но «Шапокляк» не была шпионом. Антонина долгое время работала в одном страшно засекреченном НИИ. В отделе технического обеспечения. Нейтральной крышей учреждения являлся крупный ленинградский завод, производивший оптические, оптико-механические и прочие интересные приборы. Исключительно в мирных целях, разумеется.

По роду службы «Вдове» доводилось контактировать с самыми разными службами контрразведки. И цепкая память, уже не связанная тридцатилетним сроком запрета, выдавала на десерт к вечернему чаю любопытные тайны из «боевого» прошлого соседки.

Однажды, в начале шестидесятых, был такой случай. Антонину пригласили осмотреть личные вещи, найденные при досмотре у сотрудника одного иностранного посольства. Речь шла о миниатюрном приборе со спичечный коробок. С крошечным микрофоном в форме мужской булавки для галстука.

Задержали подозрительного типа прямо на берегу Невы. Бдительный сторож лодочной станции заметил странного мужика в красивом плаще, стоящего у самой кромки воды.

Кругом слякоть, сезон не купальный, что ему тут делать? Тут все и прояснилось: расстегнув плащ, незнакомец вдруг нахально защелкал фотообъективом. Да к тому же направленным в сторону судов у причала. При этом чуть наклонял голову и что-то шептал.

Вражеские резидентуры тогда очень интересовались спусками на воду кораблей и подлодок, сходящими со стапелей питерских заводов. Количество любопытных «гостей» все нарастало. Они облюбовали места для наблюдения на берегу, изучили графики спусков. И тайно фотографировали наши секреты, попутно наговаривая донесения. Нужно было срочно узнать, что именно содержалось в тайных комментариях.

Решили проблему быстро. На территории судоверфи установили длиннофокусную оптику и стали считывать тексты по губам. Получите, вражины!

Но ушлые шпионы сменили тактику. Теперь они делали снимки, не раскрывая рта, с плотно сжатыми губами. «А мы должны были выведать, о чем они молчат?», – с азартом откровенничала старушка.

Консульств в Ленинграде тогда еще не было, и псевдо-дипломаты жили в «Интуристе». Они, конечно, знали, что номера напичканы прослушкой и просматриваются. Но не сильно беспокоились.

Аппаратура наша была ни к черту!» – «Вдова» горячилась и отчаянно колотила себя по коленке сухоньким кулачком. Переживала так, будто все случилось вчера. Закашлялась, попросила Марину по спине похлопать.

Наблюдаем за ними по возвращении в номера отеля, – продолжала, блестя глазами за стеклами очков. Даже блюдце с чаем отодвинула в сторонку, – и что видим? Они вытаскивают у себя из разных карманов кусочки бумаги и начинают раскладывать. Представляете? Они в карманах донесения записывали. Прямо так, не вынимая рук. Разложат эти клочки, а потом переносят все на один лист. Вот нам и нужен был, листочек этот.

Димка спросил тогда удивленно: «Они, что наизусть заучить не могли? Зачем писать в штанах?» Но проблемы с памятью у иностранных шпионов Антонину не сильно волновали:

– Начальство обещало сорвать с нас погоны! И отправить за полярный круг. Говорят, белых медведей пошлем фотографировать, если секретные донесения врагов не можете толком заснять. В общем, пришлось нам похлопотать. Подтянули науку, физиков всяких, конструкторов, ученых. Кое-что позаимствовали, не без того. Наши то разведчики не зря свой хлеб заграничный ели, – одобительно хихикала сама себе соседка.

Пробовали, оказывается, даже фото пленку особую использовать, что извлекли из сбитого над Уралом самолета-шпиона. Знаменитое дело было в тысяча девятьсот шестидесятом. Пилот «У-2», Пауэрс, летая над турецкой границей, чуть-чуть «заблудился». Остановили его только над Свердловском.

– Ну, хоть сбили все же американца. А почти через тридцать лет побоялись. Стыдоба! – кипятилась Антонина Сергеевна. – В Москве, на Красной площади сел. Пять часов летел самолетик над нашим СССР. А летчик? Какой-то немецкий пацан! Как его? ... Матиас Руст. И когда? В аккурат двадцать восьмого мая, прямо на День пограничника. Позорище! Сталина на них нет! – искренне сокрушалась рассказчица вегетарианским горбачевским временам.

Но лично для «Вдовы», да и для всей группы, та давняя история с «Интуристом» закончилась вполне благополучно. Сделали какую-то хитрую оптическую штуковину. Научились снимать донесения зарубежных гостей особой скрытой камерой с вынесенным зрачком. В то время это было супер круто! И все прочли. Потом получили награды и звания. Тося стала тогда майором.

Эффект Домино 13. Светлана

Димка не хотел никому признаваться, но была еще одна веская причина, почему он хотел уехать подальше, в Калининград. Двигала им не только мечта о военной карьере и службе в ФСБ. Он попросту... сбежал.

...Город стремительно таял в облаках, уменьшаясь в размере. Дима глядел в иллюминатор и вспоминал:

– Димочка, прости меня! Только не бросай! Прошу тебя, миленький», – всхлипывала Света, пытаясь дотянуться губами до гладко выбритой щеки. Она обхватила его за шею двумя руками и неловко подпрыгивала на высоченных шпильках. Дима молчал, отвернув голову в сторону.

– Ну, пожалуйста, родненький. Я не знаю, как так получилось. Но никогда, слышишь, никогда больше такого не повторится. Я ведь тебя люблю, слышишь? Ну, повернись, ко мне, Димочка! – шептала с отчаянием.

А Дима будто окаменел тогда. Мысли крутились вяло, ни о чем: «Вот так значит. Ну, ладно. Не бросай, да? И все? Не было, получается, ничего особенного. Интересно, а как они это делали? И где? В их кровати? Или стоя? Надо Толика спросить. Самого. Он же, сука, типа друг. Пусть скажет, как было. Да нет, засыт. Знает меня... Нажраться что ли? Как же, б***ь, хреново».

Они были вместе уже больше года. Дима ее тоже любил. Очень. Даже стеснялся этого чувства. Словно делал что-то недостойное. Подшучивал над собой, в разговорах с друзьями прикрывался шуточками, как щитом.

Светлана, миниатюрная, привлекательная блондинка, жила отдельно от родителей. Папа, серьезный строительный делец, на восемнадцать лет преподнес дочурке громадную студию. В новостройке, в самом центре города. Да еще с отдельной гардеробной и спальней размером с детскую площадку.

Девушка занималась дизайном интерьеров и мебели. Несколько лет училась во Львове. В национальной академии искусств. А теперь трудилась в одной из фирм отца, оформляя дизайн-проекты квартир.

Последнее время Света «подсела» на стиль фьюжн. Ее привлекала возможность соединить несочетаемое. Синтез разных идей и совершенных противоположностей. Лед и пламя. Добро и зло. Инь и Янь.

Сама маленькая, как подросток, и колоритный здоровяк Дима. Оба они, даже внешне, были в том же ряду явлений, что и обыкновенное чудо или правдивая ложь. Словом, сплошной оксюморон¹⁶.

Познакомились в клубе, где Дима как-то отдыхал с друзьями. Присматривались недолго. Протанцевали, пару коктейлей, веселый треп... И завтракали уже у нее, любуясь через широко распахнутые окна на панораму Дона.

Прихлебывая кофе, Димка с любопытством оглядывался: «Да-а, хата просто огонь! С ремонтом постарались. И, походу, не узбеки... Турки скорее всего. Все аккуратно, вылизано до блеска, без строительных косяков. Папа-то серьезный товарищ, Света вчера обмолвилась. Что ему лишний лям для любимой дочурки, чтобы уютное гнездышко свить».

Стена над здоровенным мягким диваном представляла из себя красочное панно. Широкие мазки различных оттенков складывались в замысловатые геометрические узоры. Панель экрана домашнего кинотеатра, дюймов восемьдесят, не меньше. Барная стойка. Камин настоя-

¹⁶ Оксюморон или оксиморон от греческого οξύμωρον, что буквально означает «остроумно-глупое»

щий, ух ты, это в многоэтажке! По блестящему светлому ламинату ломаной лентой изогнулась широченная полоса черных костяшек с белыми точками.

Димка присмотрелся внимательней к полу. Архитектор явно никогда не играл в забаву советских пенсионеров. Фишки были сложены невпопад. Шесть и два. Один и четыре. «Вот же лошара!» – хмыкнул Дима. Его учил этой игре еще дед, с которым опасались садиться самые бывалые «козлятники».

Но лошарой оказалась сама Света. Эскиз дизайна квартиры она выполнила лично. Света любила Димку. Ей была пофигу его ментовская служба. Это был ее мужчина. Высокий, под два метра ростом, крупный, с открытой детской улыбкой. Порой откровенно безбашенный, постоянно шутил и смеялся. Она хохотала над его рассказами. Но девушке не всегда удавалось понять, о чем он на самом деле думает. Этим, кстати, Дима напоминал ей папу. И только.

Когда парочка оставалась наедине, Света обожала изучать любимого мужчину. Начинала сверху. Проводила пальчиком дугу по лбу с широкими густыми бровями, бритой щеке. Потом спускалась к поросшей жесткими волосками груди.

Особо девушку интересовали небольшие шрамы на лице. Их было два. Продолговатая ниточка под левым глазом заканчивалась звездочкой на скуле. Как будто бежала слезинка, а потом застыла. Шрамы были явно давние, но не обычного розоватого цвета, а черные. Как тату.

Похожие штуки она видела в американских боевиках. Там такие слезки часто носили киллеры. Словно в издевку, якобы жертв оплакивали.

Света ошибалась. В далеких Штатах это часто означает лишь то, что владелец побывал за решеткой. Иногда слезы подчеркивают горький стыд за прошлое, который просто разрывает сердце зэка. Типа, человек сожалеет, но вынужден нести эту боль в себе. Иногда их наносят те, кто, мотая срок, не смог проводить близких людей в последний путь. Плакать же в тюрьме не принято. Вот и выражают свое горе в виде чернильных капелек на щеках.

– Расскажи мне, котик, – как-то попросила она, свернувшись рядом калачиком, откуда у тебя это? – и погладила шрамы.

Димка усмехнулся: «Да, так, ерунда». Потом лениво потянулся, прижимая рукой податливое тело поближе:

– Жили мы недалеко от шахт. Пацаненком поехал раз на велике вынести мусор. Ведро прицепил на руль и кручу педали. Вдруг цепь как соскочит. А я разогнался с пригорка, впереди дорога. По ней вечно грузовики, – Димка помолчал секунду, вспоминая. – В общем, как debil, чтобы остановится, на ходу ногу в колесо сунул. Велик перевернулся, ну я и влетел с размаху мордой в гравийку, – парень тронул свободной рукой шрам и продолжил. – Весь в кровянице, штаны порвал. Поташился домой. Велик тоже привел. Спицы повывлетели, а оставить нельзя. Подрежут в секунду, хоть и сломанный. Мама, думаю, в обморок упадет... Ну, нет, – он мягко улыбнулся, – она не такая. Зато я свалился, когда в дом шагнул. Так и грохнулся в отключке. С ведром в руке. А там мусор, остался, обратно привез.

– А черные они отчего? – чуть притронулась к «звездочке» губами.

– Так у нас пыль такая, угольная. Она везде была. И на гравии.

Помолчали. Света прижалась сильнее. Изучение особенностей строения тела продолжилось. Незаметно перешло в обнимашки... Повезло ей с Димкой, что скажешь.

Теперь он не мог простить измены. Света ждала его после дежурств, ловила возле самого подъезда. Звонила на мобильный и плакала в трубу. Но Димку как заклинило. Он будто окаменел изнутри. «Упал на мороз». Представлял ее с другим и не мог перешагнуть обиду. Отпустить.

Неожиданная помощь «Шапокляк» вовремя разрулила тупиковую ситуацию. Соседка предложила на выбор несколько вариантов куда можно поехать учиться. Дима выбирал самые дальние точки. Ну, конечно, не совсем. Так, чтобы мама могла приехать. Вот и сошлись на Калининграде.

Свете Димка ничего так и не сказал на прощание. Даже не позвонил. Бедняжка, она так и не поняла главное. Что виноватым в их разрыве был отнюдь не внезапный всплеск чувств к Толику. Ну, может, отчасти, гормоны там, молодость. А истинная причина крылась в ее дипломном дизайн-проекте, привезенным из Львова. Именно в соответствии с которым была оформлена ее уютная студия.

Назывался проект коротко: «Domino».

Эффект Домино 14. Шпионские страсти.

Мокрая закладка

Во время дождя Димку как-то занесло на полосу. По счастью – не на встречную, а общевойсковую. Штурмовую полосу препятствий. За наличие собственного мнения «ширко умный» курсант получил разовый наряд. Провинность требовалось искупить очисткой тренировочного полигона от скудной растительности.

Лениво помахивая тяпкой, курсант медленно двигался по границе плаца вдоль ряда разрисованных металлических щитов, на которых мускулистые парни лихо преодолевали немислимые преграды. Рвы, заборы, пропасти и прочие военные трудности легко покорялись будущим пограничникам.

Остановился возле картины, изображающей розовощекого бойца на бревне. Тот стоял с раскинутыми руками, очень похожий издали на распятие. Внизу шел текст с инструкцией из наставления по физподготовке.

Дима решил передохнуть и принялся читать казенные строчки:

«Двигаясь по стене разрушенного дома, военнослужащий пробегает по одиночной балке», – а далее следовало неожиданное продолжение – «... как же я устал писать этот бред, хочу спать, есть и, вообще, пошло всё в жопу! После прыжка через пролом на землю военнослужащий преодолевает траншею и двигается по направлению к проволочным заграждениям».

Вот что бывает, когда начинают экономить на наглядной агитации и прибегают к творчеству личного состава. Сколько времени простоял здесь замечательный щит? И куда смотрел замполит? Ответы, похоже, знал только автор откровения. Судя по облупившейся от времени краске нагоняй от руководства института художнику-самородку уже не грозил.

Димка постоял немного. Потом достал маркер, оставшийся в кармане после занятий по тактике, и дописал прямо на стенде: «...я тоже».

Но это была минутная слабость. Скорее всего вызванная накотившей вдруг тоской по гражданке и сырой погодой. На самом деле учиться на пограничника Диме нравилось. Особенно, когда пошла специализация и курсанты на наглядных примерах могли оценить степень коварства потенциального противника.

Как-то на занятиях изучали приспособления для ведения скрытого наблюдения и фиксации перемещений объекта. Разгорелся спор. А зачем сейчас, в век интернета и спутников, при наличии специальных технических средств, нужны живые люди, агенты?

Мнения разделились поровну. Преподаватель, уже в годах, в штатском, но с военной выправкой, с интересом наблюдал за перепалкой возбужденных курсантов. Вмешался только когда основные спорщики выдохлись, исчерпав аргументы.

Подняв верх указательный палец, он веско произнес:

– Запомните, коллеги. Самое надежное оружие разведки – это шпион! Именно он нажимает все кнопки, расставляет хитроумные приборы, вербует агентуру А еще рискует собственной задницей.

Далее курсанты выслушали несколько любопытных историй, в которых вполне затейливо переплелись достоверные данные, известные и малоизвестные факты, курьезные происшествия. Признаться, некоторые скорее смахивали на байки. Может препод просто прикалывался над ними? Но все внимали, открыв рты.

Диме тогда запомнились несколько случаев, когда самые обычные предметы имели «двойное дно», порой дурно пахнущее.

Далеко не каждый владелец пса решится поднять с земли собачью какашку. Да еще от чужой псины. Особенно в России. А зря, не проходите мимо в следующий раз. Особенно

если этот артефакт валяется на московском газоне на улице Знаменка, 19¹⁷. Или, к примеру, у проходной знаменитого «Уралвагонзавода». Ведь, сумев побороть брезгливость, вы исполните свой долг по защите Отечества. Под видом собачьего дерьма легко может скрываться замаскированный вражеский радиопередатчик или телекамера.

А еще в незапамятные времена, когда еще выпускали «Казбек», любители подымить прятали автоматические распознаватели радиации на местности в пачку знаменитых в СССР папирос. В это самое время их «коллеги» из ГДР умело клеивали кадры фотопленки с разведанными в свои картонные билеты на поезда, чтобы тайно перевезти добытые сведения в ФРГ.

Квадрокоптеров в прошлом веке еще не было. Зато существовало специальное «ружье», на котором устанавливалась электронная аппаратура. Чудо прибор улавливал запахи на дальнем расстоянии. Например, запах аммиака, который издает тело человека. Так можно было распознать скопление противника, который скрывается в лесу либо овраге...

Когда зашла речь о методах организации тайников для размещения агентурных «закладок», Димка вспомнил одну из бесчисленных историй «Вдовы».

...На окраинной улице Ленинграда стояла неприметная кирпичная будка, обшита по низу листовым железом. Обычное для таких мест замызганное бесхозное строение, залепленное доверху клочками объявлений. Согласно надежным источникам, это место регулярно использовалось одной западной резидентурой для закладок.

Между будкой и стеной соседнего здания была щель, сантиметров пятнадцать. Идеальное место для тайника с применением магнитного контейнера. Приостановился вроде бы прочесть объявление. Просунул в щель руку. И... контейнер послушно прилип к железному листу. Второму связному будет очень легко закладку снять, не привлекая чужого внимания.

В общем, задача была поставлена начальством следующим образом: выявить связного, когда забирать будет и взять вражеского пособника с поличным. А дальше – органы разберутся.

Но не стоять же возле будки часами. В тот раз Тоня и сотрудник по силовой поддержке, Василий, применили уже испытанный в деле микродатчик на движение. Очень чувствительный. Дежурили вдвоем рядом, в дворницкой соседнего дома.

Сигнал раздался ближе к полуночи на вторые сутки. «Шапокляк» чуть замешкалась, отключая прибор и, когда прибежала на место, все уже закончилось. На земле, испуганно тараща глаза в свете фонарика, лежал интеллигентный очкарик. Его руки, умело заломленные Василием за спиной, были пусты.

Мужчина ерзал, все пытался подтянуть колени к животу. Пока напарник держал очкарика за плечи, «Вдова» резко дернула того за лодыжки.

Стало понятно, что незнакомец прятал. Из расстегнутой ширинки выглядывало его мужское достоинство. Причем весьма внушительного размера. «И чего стесняться, – мелькнула мысль у Тони. – Таким хозяйством гордиться надо».

Контейнер оказался на месте. Но весь мокрый, датчик сработал от струи. С мстительным чувством напарники не стали ополаскивать пахучий коробок. Спустя сутки загаженный контейнер снял настоящий связник...

Закончил лекцию преподаватель историей о состязании шпионов и разведчиков, где в качестве непосредственного орудия классовый борьбы использовались обычные провода. Прямо как в начале двадцатого века, когда перетягивание каната было олимпийским видом спорта.

В разгар «холодной войны» некая европейская страна решила выведать секреты местного советского посольства. На этом настаивало коварное ЦРУ, как штаб мировой экспансии империализма. За крупную сумму американских денег в рекордный срок была возведена новая

---

¹⁷ Официальный адрес Министерства обороны РФ

гостиница. Причем здание расположили впритык к стене нашего загранучреждения. И неспроста.

Задумка была простой, как и все гениальное. Прошурфить незаметно насквозь стены номеров нового отеля и нашего посольства. Заложить прослушивающие устройства рядом с кабинетами советских дипломатов. И секреты потекут рекой. Потягивай себе холодный «Budweiser» под гаванскую сигару. Да только успевай бобины на магнитофоне менять.

Но разведчики были начеку. Когда шпионы уже были готовы нажать на клавишу «Start» на аппаратуре, выявилося невероятное. Вражьи норы оказались также бесшумно вскрыты. Но теперь уже с нашей стороны. Всех интересуют чужие тайны.

Супостаты спохватились, когда их техника медленно поползла вслед за кабелями вглубь пробуренных скважин. Обе группы, пыхтя и тихо матерясь, каждая на своем языке, тянули на себя провода.

Конечно же, победили разведчики. Как иначе. Они успешно завладели иностранными электронными трофеями. Пиво же осталось посрамленным американцам.

...Димка слушал эти рассказы с любопытством. Тайники, секреты. Он тогда ещё не представлял, что пресловутая закладка окажется не просто шпионской фишкой, а тем «кирпичом» с крыши, который однажды упустит судьба. Из рук упоротого наркоши. Прямо на его буйную голову.

Ничего удивительного. У каждого времени – свои герои. И свои враги. Во времена Антонины Сергеевны чужака было легко отличить. Он обязательно носил добротную одежду и обувь. Источал запах мужского парфюма. Был вежлив и галантен с женщинами. Словом, сразу видно – не наш человек.

А вот в поколении Димки врагом мог оказаться каждый. Так, по крайней мере, его учили старшие товарищи и личный опыт. В силу вступали другие законы уже новой эры, где шпионы не были главной бедой. Опасностью веяло от самой жизни. Беспощадной к тому, кто не уверен и слаб. Зато выносящей на гребень мутной волны всякую пену. Дерзких и решительных.

Но, слегка покрутив в бурунах, бездна охотно затягивала в свою воронку и тех и других. А потом с наслаждением била о скалы.

Эффект Домино 15. Митя. Дитя «войны»

Шел последний год жизни СССР. На дворе стоял жаркий август тысяча девятьсот девяносто первого года. Это было время странного путча в одной, отдельно взятой столице. Танки, баррикады, невинные жертвы...

Президент великой империи, которая разваливалась на глазах равнодушных граждан, пребывал в почетном «заточении». На госдаче номер одиннадцать в украинском Крыму, она же объект «Заря» на окраине поселке Форос. Только не путать с Фаросом в дельте Нила, где в древности возвышался Александрийский маяк, одно из семи чудес света. Египетское направление туризма не было столь популярным в начале девяностых. Даже для президентов.

Остальная страна занималась в те памятные дни своими делами. Люди привычно женились, рождались и умирали. В роддоме провинциального шахтерского городка, под звуки «Лебединого озера», громко заявлял о своих правах новый гражданин России. Пока только криком и исключительно на бесплатное питание. Звали младенца – Митенька.

Горластый крепыш, суча ножками, бессмысленно тарасил глаза на этот мир. Новорожденный вообще ничего не понимал. И был в этом не одинок. Миллионы куда более взрослых людей также не представляли, чем обернутся для них последующие годы.

Есть такое понятие «дети войны». Причем определяется эта «советская» общность совсем не по схожести нелегких судеб: голодному детству, массовой потере родителей, тяжелой юности. А весьма бюрократическим способом – по датам рождения.

Вот не исполнилось малолетке четырнадцати лет к началу Великой Отечественной. Или же младенец появился на свет исключительно в военные годы, с двадцать второго июня вплоть до третьего сентября сорок пятого, когда самураев разбили. Считай, что это счастливики, в «рубашке» родились. Заботливое государство хоть как-то позаботится на старости лет, выделит подавание на хлебушек. А на день раньше или позже – да какое ты отношение имеешь к подвигу советского народа в великой битве с врагами?

Мите Корбашову довелось стать ребенком новой эпохи. Он оказался дитем смутного времени. Как, собственно, и весь миллион восемьсот тысяч младенцев образца девяносто первого года. Эры бесконечных кризисов и катаклизмов. Представителем того поколения, на которое всем, по большому счету, было наплевать. Ну, конечно, кроме мамы с папой. И то, случалось по-всякому.

По причине совсем еще нежного возраста Митенька не понимал, почему окружающие взрослые заламывают руки и бесконечно проклинаят какого-то страшного «Павлова». А еще злодея по имени «Сбербанк». Эти неведомые разбойники в год рождения малыша украли все кровные сбережения родителей. И родителей их родителей – тоже.

А карапуз лишь радостно улыбался и каскадом пускал слюнявые пузыри.

Потом Мите исполнилось два года. И ясным октябрьским днем российские танки прямой наводкой расстреляли «Белый» дом. Но не в далеком Вашингтоне, а прямо в центре Москвы. Свой же, российский парламент. Крови уже пролили побольше, во вкус вошли.

Но это было совсем малышу не интересно. Гораздо более его занимал здоровенный синий грузовик, на котором так хорошо было кататься по дощатым полам. Родители почти всю зарплату потратили на покупку заморской пластмассовой игрушки.

В декабре тысяча девятьсот девяносто четвертого всей стране, не только трехлетнему Димке, государство подарило первую чеченскую войну. На Новогодние праздники. Щедро, от всей души. Обещали управиться быстро, за месяц. Но этот подарочек оказался куда живучее хлипкого грузовичка. Радовал дольше, года полтора, до самого пятилетнего «юбилея» мальчишки.

День рождения в семь лет Димка помнит плохо. Может, его и не праздновали вовсе. Было не до того. Август девяносто восьмого. Родители страшно расстроились из-за какого-то дефолта. Папа недавно занял у знакомых денег, долларов американских, на покупку подержанного жигуленка. Теперь мама плакала: как отдавать будем?

Через год восьмилетие все-таки отпраздновали. Только дед Коля, бывший военный, был не весел. Горестно вздыхал, часто выходил из-за стола на балкон. Покурить. Все переживал, что опять война с Чечней началась.

Через месяц дед Коля утонул. Это случилось на рыбалке, в сентябре тысяча девятьсот девяносто девятого.

Димка тогда заболел и месяц не вставал с постели. Очень сильно переживал. Деда он любил больше всех на свете. После мамы, конечно. Тот мог сделать все, почти как волшебник. И еще был очень добрым.

Потом начались взрывы домов. Родители ходили на дежурство по ночам. В подъездах начали устанавливать железные двери. Боялись террористов. Еще бы, они были везде. Не только в Москве, вот и совсем рядом. Неподалеку, в Волгодонске целый дом взорвали.

Митя уже многое понимал. Что есть люди, которые могут убить его. И маму с папой. Они бандиты. От них нужно защищаться. И, если нужно, тоже убивать. Так учил дед Коля. «На войне, – говорил он, – как на войне».

И эта война не прекращалась еще много лет. Захват заложников на «Дубровке». Взрывы вагонов метро, пригородных электричек. Катастрофы лайнеров ТУ-134, разорванных в клочья бомбами террористов. Расстрелянная школа в Беслане на первое сентября. И еще, и еще, без конца и края...

Считай, вся Димкина юность прошла под знаком беды и катастроф. Такое вот «мирное» время выдалось. Поколение «игрек». Это вам не «дети войны». Никто никому ничего не должен. Выживайте сами, как знаете.

К счастью, детская память избирательна и предпочитает неприятности быстро забывать. А вот к хорошему может отнести любое событие. Причем иногда, по непонятной для взрослых логике. И таких счастливых дней в памяти у Мити сохранилось тоже немало.

Он рос открытым ребенком. Смотрел на мир ясными глазами, наивно полагая его добрым и справедливым. Жили они в доме, который топили углем. Было мальчишке тогда лет пять. Самая середина девяностых. Выдавать зарплату деньгами не получалось. Не было их ни у кого. Начальство расплачивалось с людьми, чем придется, обычно товарами, своей же продукцией. На чулочной фабрике – чулками, на мебельной, понятное дело, табуретками. Ну и далее, по списку.

Отец работал на шахте. И, разумеется, их семья получала уголь. Делалось все по негласному соглашению. Новым хозяевам шахт не нужны были забастовки. А начальство пониже, из бывших шахтеров, закрывало глаза. И в этом негласном договоре заключалось спасение целого города от зимних холодов.

В утренних сумерках, к терриконам и обратно, тянулись по тропинкам встречные вереницы. С ведрами, с санками. Туда ехали пустыми, налегке. Обратное еле волочили. Снег скрипел от лютого мороза. Черные от антрацита сугробы превращали картину совсем уж в нереальную. Дорога жизни через пятьдесят лет после войны...

А Димка был счастлив. Тащил маленькое ведерко, наполненное драгоценным углем. Спотыкался, иногда падал, наступив на наледь. Однако на чумазой сопливой мордашке светилась гордость. Еще бы. Он мужчина, занятый настоящим делом. Помогает своей мамочке. Любимой.

Ему еще вспомнится это ведерко. И тот уголек почти дармовой. Лет так через двадцать с небольшим. Но об этом потом...

Жили они не богато, зато весело. В стране, в одночасье ставшей нищей, пока не окончательно победила мораль нового века: «Если у вас нет миллиона – идите в жопу». Сама молодость делает жизнь счастливой. А если еще и выпить...

«Сухой закон» бывшего СССР позорно умер, но породил одно замечательное следствие. Люди научились виртуозно варить самогон, доводя заветный дистиллят до качества изысканных французских коньяков.

Марина и Леонид были молоды и наслаждались жизнью со свойственной этой поре беспечностью. Неожиданные вечеринки, когда гости приходили некстати, но им все равно искренне радовались. Празднование бесконечных дней рождений друзей, праздников и просто «посидеть на кухне» были частью жизни.

Маленький Митя очень любил, когда у них дома собирались шумные компании. Всегда был рад спеть незатейливую песенку, потанцевать, еще по-детски неуклюже, но с азартом.

А когда подвыпившие гости начинали нескладно выводить под гитару: «Вот, новый поворот и мотор ревет...», Димка просто не мог утерпеть. Вскакивал на стул и, мило картавя, голосил фальцетом: «...И мотол левёт!» Все ржали от удовольствия, а мамочки наперебой тискали юного «машиниста».

Славное было время эти лихие девяностые. А потом наступил «Миллениум».

Эффект Домино 16. Шпионские страсти. Отряд «стюардесс»

В Калининградский пограничный институт ФСБ девушек не принимали. Объясняли, что специфика службы не та. Но внимание женскому полу курсанты все же уделяли. И не только «левым» способом во время увольнительных или рискованных самоволок. Но и вполне официально. На занятиях, посвященных воспитанию идейной стойкости.

От морального разложения будущих офицеров оберегала особая учебная программа. Где доходчиво, на красочных примерах, раскрывалась теория и практика тайного сексуального фронта.

Слишком часто сыны России, да и всех других государств, шалили в прошлом с секретами родины. Меняли их оптом и в розницу на простые человеческие радости в постели. И представьте себе, не с законными женами.

«Мирмекофилия», как явление, прочно занимает почетное место в арсенале участников тайных войн. Это, отнюдь, не разновидность половых извращений, а попросту – любовь. Правда, между бабочками и муравьями.

Милые бабочки семейства голубянок откладывают в цветах яйца. Вылупившиеся из них гусеницы спускаются на землю и скромно ждут в тревожно-сладостном ожидании: когда же нас найдут муравьиные «ромео» и хищно поволокут под землю? Употребить там, в буквальном смысле слова.

Но в муравейнике все происходит не так, как ожидают наивные мураши-работяги. Щетиновые прелестницы начинают обильно источать сладкую жидкость. Под действием феромонов, содержащихся в этом нектаре, муравьишки впадают в экстаз и принимаются щекотать предмет страсти усиками до полного своего изнеможения...

Все, дело сделано. Довольная гусеница, устроившись в гнезде, неспешно лакомится личинками доверчивых муравьев. За зиму и весну жиреет, окукливается. и ближе к лету вновь выбирается из-под земли. Но уже не жирным волосатым чудовищем, а вновь – совершенно невинной бабочкой.

По сути, это анатомический срез процесса обмана и вербовки с помощью «медовой ловушки». И действует он безотказно, практически с библейских времен. Применим для обоих полов, включая особ всех цветов радуги. А также для обладателей высоких званий и должностей.

Примеров тому не счесть. В сладкой западне оказывались многие известные личности. И выдавали «под одеялом» топ-секреты своих стран. Однако, порой бывали исключения.

Как-то Антонина Сергеевна рассказала забавную историю про соблазнение индонезийского президента Сукарно. Случилась она еще во времена активной работы «Вдовы» в Комитете.

Дима попытался выяснить официальную версию этих событий на семинарах у преподавателей. Но те, в основном, отшучивались, ссылались на секретность или заявляли, что курьезный эпизод, скорее всего, был легендой. Типа, байку могли придумать и вбросить американцы. Цэрэушники, якобы однажды пытались использовать саму Мэрилин Монро чтобы завлечь в свои сети предводителя вулканических островов. Однако, при вербовке в отеле «Бeverли-Хиллз» что-то пошло не так. Вот и решили перевести «стрелки» на СССР. Будто это у русских ничего не вышло со строптивым малазийцем.

Но Димка-то знал, как все обстояло на самом деле. У «Шапокляк» среди многочисленных знакомых была подружка. Как раз одна из «стюардесс», участниц тайной оргии в московском отеле. Она и поделилась с Тоней рассказом о пристрастиях знаменитого индонезийца.

Хорошенькую Антонину сначала тоже хотели включить в отряд «ласточек». Так называлось особое подразделение, выполнявшее деликатные задания по совращению «объектов».

Красивых девушек отбирали в специальную группу и после полугодового обучения выпускали на оперативный простор. К будущим «ласточкам» предъявлялись высокие требования. Они должны быть умны, элегантны, раскованы и главное – всегда готовы к соблазнению мужчин.

«Вдова» особо не вдавалась в подробности подготовки советских Мата Хари¹⁸, но кое-что поведала. Будущих секс-агентов всячески старались избавить от чувства стыдливости. К примеру, организуя совместные помывки в общей бане с коллегами мужчинами. Показывали порнографические фильмы, на «практических» примерах учили искусству любви, игре на особенностях мужской психологии.

Конечно, выдерживали не все. Дело такое, на любителя. Вот и Антонине эта «специальность» оказалась не по душе, хотя излишней скромностью «Вдова» не страдала. И мужчин любила. Но под микрофоны и кинокамеры? Тьфу на вас! Она предпочитала их скрытно устанавливать.

В середине шестидесятых годов прошлого века в гостиницах Москвы, где проживали иностранцы, просто не было номеров, не оборудованных прослушкой и фотокамерами. Шкафы, зеркала, цветы, картины, потолки, стены – все имело глаза и уши.

Прибывший в Москву с официальным визитом президент Индонезии Сукарно остановился в «Интуристе». Это был выдающийся мужчина во всех отношениях. Блестящие темные глаза. Завораживающий баритон. Артистичный, обаятельный, улыбчивый. Великолепный собеседник, владеющий шестью языками. К тому же любитель искусств и меценат. Владелец коллекции из сотен скульптур и полотен. В основном изображающих обнаженные тела.

Дело в том, что любимым языком президента Индонезии был язык любви. Уж его-то «товарищ Карно» знал в совершенстве. Этому способствовали семь официальных жен и бесчисленное количество случайных партнерш в ходе мимолетных интрижек.

Позвали его в Москву, однако, не за этим. Требовалось склонить Сукарно к более активной поддержке продвижения идей коммунизма в юго-восточной Азии. Но про слабость к «клубничке» хорошо знали и постарались использовать. Скажем, так, не для шантажа, а в целях полного взаимопонимания сторон...

Стюардессы, как обязательный атрибут длительных авиаперелетов, оказались весьма кстати. Почему-то категория проводниц, в этом случае воздушных, основательно будоражит мужской мозг. Сработало это и сейчас. Знакомство элегантного донжуана со стайкой щебечущих «ласточек», начавшееся в ходе полета, предсказуемо продолжилось в номере отеля.

Вечер удался на славу. Даже опытные операторы, наблюдая за взрослыми играми, нещадно потели от возбуждения, покрывались красными пятнами и путали клавиши управления камерами.

Но шантаж не удался. Все оказалось зря. Ну, разумеется, кроме взаимного удовольствия.

Красавчик Сукарно, увидев предъявленный компромат, лишь расплылся в улыбке. Ведь, лучшей рекламы для его сторонников в стране, где могучий «Карно» правил уже более двадцати лет – не придумаешь. Очень остался, кстати, доволен общими планами, где помещались сразу все участники вечеринки. И, конечно, крупными, наглядно демонстрирующими всю мощь его... власти.

По одной из версий, он даже предложил сотрудникам Комитета сделать для него целый фильм для демонстрации в кинотеатрах Индонезии. Чтобы народ гордился своим президентом. Но более правдивым представлялся финал, озвученный «Шапокляк». По нему Сукарно

---

¹⁸ Знаменитая женщина-шпионка, танцовщица и куртизанка

лишь попросил сделать копии с нескольких особо удачных фото для личной коллекции. С тем и расстались.

Такая вот история. Очень поучительная и наводящая на некоторые мысли.

Димка во время редких встреч с Катей в увольнительных порой удивлялся. Его скромная на вид подруга, порой такое вытворяла в постели, что даже он, не новичок в любви, мог представить лишь в сокровенных фантазиях. Порой даже чудилось, а вдруг это подстава? Ну, раз есть школы ФСБ, значит должны быть люди, которые хотят знать: чему и как в них учат?

Конечно, это были пустые подозрения. Ведь Катя, добрая и отзывчивая девушка, все хорошо делала только из нежной привязанности к своему Димочке. Она никогда не разделяла мнение лучшей подруги Валюши, технолога с Калининградской кондитерки, что порой мужику легче дать, чем объяснять, почему не хочешь. Все только по любви. Просто она часто влюблялась...

К слову сказать, легкие победы всегда приятно тешили Димкино самолюбие, хотя парень давно перестал вести им счет. Женское внимание помогало ему справляться с неприятным чувством тревоги. Сродни боязни одиночества. Или страха быть преданным близким человеком. Вот и глушил Дима фобии, как умел. Хотя бесконечно меняющиеся подружки обычно помогали лишь на короткое время. Однако вот Катюша, порой думалось ему, особенная. Впрочем, никак не удавалось забыть и Светлану...

Когда в нем появилось ощущение некой сосущей пустоты, Дима точно не знал. Зато догадывался проницательный старина Фрейд. Знаменитый австрийский психиатр как никто разобрался в «скелетах в шкафу». Особенно в тех, что родом из детства.

Эффект Домино 17. Миллениум «00»

Народная мудрость гласит: как встретишь Новый год, таким он и окажется. Возможно, не только год, но и тысячелетие. По крайней мере то, что эта примета относится к двадцать первому веку – сомнению не подлежит.

Ведь год с символическим номером «00» просто обязан был предвещать конец света. Хотя бы потому, что так, говорят, нумеровали туалетные комнаты в допотопных гостиницах с общими удобствами в конце коридора. По мнению большинства аналитиков, последствия небывалого слива мировой истории в унитаз обещали быть ужасающими.

Миллениум¹⁹ начался с глобальной проблемы. Вернее, грандиозной аферы с одноименным названием. Грядущее тысячелетие сулило человечеству серьезное испытание. В ночь на первое января двухтысячного года мир с содроганием ожидал вселенскую трагедию – поголовный сбой компьютерных программ.

Аварии ядерных реакторов, самозапуск баллистических ракет, падение «обезумевших» от сбоя электронных мозгов авиалайнеров. Мировые столицы, погруженные во тьму. Массовые беспорядки, голодные бунты и прочее, прочее...

Все оказалось гораздо проще, как обычно и случается. Дело, как всегда, оказалось именно в деньгах. По всему миру на борьбу с небывалой «угрозой» щедро выделялись и осваивались колоссальные бюджеты. А затем миллиарды долларов, евро, рублей и юаней успешно осваивались, оседая на «того, кого надо» счетах. Через неделю новогодних праздников расслабленное человечество о проблеме напрочь забыло. В нашем Отечестве тем более – впереди были выборы президента России.

Новому тысячелетию все же удалось посеять хаос. Пусть не всемирный, и то ладно. К сожалению, Димкина семья под раздачу тоже попала. Отдельная ячейка общества не смогла пережить обнуления века.

И причины оказались похожими. Опять эти деньги. Их катастрофически и так не хватало. А тут еще, Леонид, Митин папа, не упускал случая «отщипнуть» сотню, другую от семейного бюджета на отдых с друзьями. Алкоголь и ссоры гуляли в обнимку, постепенно остужая бывшее семейное счастье.

Родители в тот год разошлись. Для девятилетнего мальчишки крах семьи оказался нешуточной трагедией. Димка отчаянно пытался найти ответ – разве так может быть? С ними, родными мамой, папой. Он не представлял, как это могло случиться? И что будет дальше? Еще вчера они вместе завтракали, потом папа, если не идти на утреннюю смену, провожал его в школу.

Вдвоем они шагали по корявому асфальту вдоль бесконечного бетонного забора, ограживающего промзону. Этот маршрут так и назывался местными жителями: «Пойти по-над заводом». Димка подпрыгивал перед каждой лужей и норовил хлопнуть детским сапожком ровно посередине. Чтобы больше брызг было. Папа, поддерживая игру, испуганно шарахался в сторону. А потом оба с хохотом стирали с лиц грязные капли.

С мамой Митя так не шутил. Нельзя, это же мама. Наоборот, он должен мамочку защищать и помогать ей. С самого первого класса в канун восьмого марта Дима делал для нее трогательные сувенирчики, рисовал открытки. Высунув от усердия кончик языка, вырезал аппликации из цветной бумаги. Наклеивал цветочки. Дарил, а потом замирал от счастья, получив ответный поцелуй в макушку.

---

¹⁹ Единица измерения времени, равная 1000 лет (от лат. mille —тысяча)

А теперь они не вместе, и это никак не укладывалось в темно-русой голове. И все ждал, что папа вот-вот вернется. Пака однажды не перестал.

В тот день мама была на работе, а мальчишка старательно наводил порядок в квартире. Подметал, мыл посуду. Папа вторую неделю ночевал у дяди Саши. Мама плакала по ночам и Димке хотелось ее хоть чем-то утешить.

Как обычно уборку начал с кухни и завершал в коридоре. У входной двери на высоких кривых ножках высился комод для обуви. Димка пошурудил под ним веником, выгреб горсть мусора. Потом начал заталкивать швабру в щель между нижним ящиком и дощатым полом. Что-то мешало. Наклонился, вытащил рукой сначала смятую газету, а потом... стоптанные тапки. Папины.

Митя присел на пол. Взял запыленные, старые шлепанцы в руки. Крепко прижал их к себе. И начал тоненько, по-щенячьи, скулить.

Обхватив руками колени, он выл все громче, давясь слезами от тоски. По их прежней, такой счастливой жизни. Когда они были вместе. И как теперь не будет никогда. Папа уже не придет, не наденет эти тапки. И они не будут с ним пить чай вечером, разговаривая о пустяках.

Папа ушел навсегда, а тапки его остались.

Димка это пережил. Мама задержалась и вернулась поздно, когда он уже успокоился. Мамочке самой было очень плохо. Димка это чувствовал и понимал, что ее нельзя расстраивать. А наоборот, нужно развеселить. Рассказал, как сегодня с пацанами в школе они поспорили на «Сникерс» у кого длиннее руки. Оказалось, что у Димки. Придумал что-то еще, какую-то наивную глупость.

После ужина, расположившись на диване, они смотрели телевизор. Димка вдруг взял мамину руку и поцеловал. А потом прижался головой к такому теплому, родному плечу. И они долго сидели молча.

На Первом канале молодой Галкин задавал очередной умный вопрос в передаче «Кто хочет стать миллионером?». Максим еще не был знаменитым. И даже не был знаком с Аллой Борисовной. Поженятся они только через десять лет.

За это время много чего произошло с Димой. Но тот вечер с мамой сделал их самыми близкими друзьями. Навсегда.

Знает ли кто наверняка, что рождается в наших душах после тяжелых испытаний и горьких минут... Недоверие к людям и сомнения в искренности сказанных слов? А может просто уходит детская уверенность, что можно безоглядно любить и не бояться предательства?

А как быть с наивной иллюзией юности, что мир населен хорошими людьми? Ждать, пока они докажут своими поступками обратное? Отвечать на неожиданный удар или нападать первым?

Каждый решает сам. Но так легко ошибиться. Порой даже проявив милосердие. Добрые дела зачастую имеют неожиданно жестокие последствия.

***

С начала нового тысячелетия миновало шестнадцать лет...

Три года назад младший лейтенант полиции отдельного полка ГИБДД Дмитрий Корбашов не стал новогодним утром «кошмарить» водителя синего «Форда». Понравился ему чем-то тот парень, светился просто от счастья. Вот Дмитрий отпустил его, не стал портить настроение.

Так ему казалось тогда. На самом же деле – попросту умыл руки. Банально мучаясь от головной боли, разламывающей затылок, нечаянно сломал парню жизнь. Без всякого злого умысла, конечно. Хорошо, что не отнял, как грозный прокуратор в великом романе Мастера. А лишь помог начать новую, пусть и не самую счастливую.

Пока Димка учился в Калининграде, по стране прошелся ураган имперских перемен. Россия бескровно отхватила Крым. Вовсю помогала мятежным республикам Луганской и

Донецкой областей. Люди с двух сторон в упоении убивали друг друга. С неба, как знамение еще более жутких времен, рухнул «Боинг МН17» и навсегда унес двести девяносто восемь невинных человеческих жизней.

И слава богу, извилистые маршруты «цепочек домино» в те годы увели Димку подальше от родных мест, где начиналась война. А то вполне мог заехать в командировку по обмену опытом между полицией России и ДНР. По наведению нового «конституционного» порядка на территории Новороссии. И кем бы он вышел из этой мясорубки? Если бы вышел вообще...

Бывшие коллеги потом делились рассказами о безумной катавасии и беспределе, что творились тогда на границе с Украиной. На дорогах и пограничных КПП, полях и посадках, перемолотых мощными траками танков и гигантскими колесами тягачей. Парень мог сгинуть в этой заварухе любым из десятка способов. Но, видимо, не наступило пока время подсчета добрых и плохих дел Дмитрия Корбашова. Свою миссию пока не завершил.

Сейчас бывший гаишник и неудавшийся пограничник вновь стоял на распутье. Приходилось начинать все заново. Димке стукнуло уже двадцать пять. А он наивно продолжал считать, что будущее зависит только от него. Димке было всего двадцать пять, и сама молодость давала право на третий шанс.

Первый ему предоставили мама с папой. Самим фактом появления карапуза на свет. Второй – Антонина Сергеевна, которая попыталась помочь парню «ухватить журавля в небе». На этом костыли для Димки кончились. Пора было двигаться самому.

Однако не ему было решать, за кем следующий ход. Дмитрий не знал всех правил игры. Дед Коля ушел слишком рано. И не успел научить внучка главному умению профессионального игрока в домино.

Не загонять ситуацию в тупик, если есть вероятность в нем застрять. «Рыбу» нужно делать так, чтобы самому не продуть партию. Для этого требуется видеть общую картину. Не хаос, а стройную гармонию бесконечных лабиринтов, сложенных из людских поступков и их последствий.

Но для этого нужно находиться очень высоко. И уж точно не быть человеком.

Эффект Домино 18. Павел. Авария

Давным-давно, еще в прошлой жизни, Павел свято верил в народную примету про Новый Год. В то утро первого января он проснулся трезвым и так был доволен, что дал зарок всегда отмечать этот праздник без излишеств.

Все так и вышло, как нагадал, весело подпевая песне «Дискотеки Авария», несущейся из динамиков «Форда»:

«Новый Год к нам мчится, скоро все
случится, сбудется, что снится,
что опять нас обманут, ничего не дадут.
Ждать уже не долго...»

Через пятнадцать минут после встречи с необычайно добрым гаишником синий «Форд» попал в аварию. И убил человека.

***

Дорога в центр города уходила вправо. Рекламный щит, который здесь мог установить только полный кретин, закрывал частично знак пешеходного перехода. А заодно и людей, возможно стоящих у обочины.

Заметив в поземке полустертую зебру, Павел инстинктивно начал тормозить. АБС сработала, но было слишком поздно. Машину занесло на наледи, слегка запорошенной снежком. И потащило. Прямо на пешеходный переход. На вынырнувшую внезапно из-за щита мамочку с коляской...

После звука глухого удара о кузов машины Павел впал в ступор. Он проехал следующий квартал и только потом выключил зажигание. Движок недовольно хрюкнул и затих вместе с веселой музыкой. Паша уронил голову на руль и застыл в оцепенении. Такой звенящей тишины он больше не слышал никогда.

Дежурный наряд полиции, вызванный остановившимся перед телом женщины водителем грузовичка, так и нашел его. В уже промерзшей насквозь машине. С полуседой головой, опущенной на рулевое колесо.

Павел даже не понял, что лбом все это время давил на клаксон. И сигнал «Форда», как тоскливый вой раненого зверя, поднял на ноги половину жильцов прилегающих домов.

Ребенок остался цел и невредим. Женщина, вероятно, в последнее мгновение толкнула коляску, и та благополучно доехала до бровки другой стороны. Встречка, по счастливой случайности, в те секунды оказалась пустой.

Дима потом читал о происшествии в дежурной сводке. Но мельком, значения особого не придавал. Он ведь ни номера машины не помнил, ни документов Пашиных не видел. Очередной случай. Бывает. Голова гаишника была занята совсем другим. Света хотела замуж. Ее папа был категорически против. Димку же все и так устраивало.

Судья назначил гражданину Вакулину наказание по ст. 264 п.4. Дали десять лет общего режима заотягчающие обстоятельства. Алкогольного опьянения экспертиза не показала. Но Павел оставил место ДТП...

В зале суда на вопросы он отвечал односложно, опустив голову. Глаз не поднимал. От последнего слова отказался. Возможное примирение сторон не состоялось.

Муж погибшей был безутешен и только твердил: убийца, сбежал, ребенок без матери, как жить? Двоюродный брат отца Павла, генерал, из органов, помог деньгами с адвокатом. Пытался «решить» дело через знакомых. Но не сложилось.

В общем, Паша сел. Надолго. Жизнь в одно мгновение изменилась. Раньше он и не думал, что фатальная случайность значит в судьбе людей много больше, чем кажется. На неведомых

весах секунда легко перетягивает десятки лет. И оставляет нас в недоумении: за что? Как это могло случиться? Почему именно со мной?

Все эти мысли крутились у Павла в голове все последующие годы, без внятного ответа. Он не знал за собой особых грехов. И вот авария...

Да, испугался тогда. Сбежал. Но неизбежное уже случилось ведь. Он стал убийцей. Пусть невольным. Но стал же. Молился, благодарил, что еще «повезло». «Господи, спасибо тебе, что ребенок остался жив. Тогда бы сразу лучше удавиться».

Дни наступившего года Паша зачеркивал в календаре с особым чувством. Два месяца минуло с того вечера, когда он вспоминал последний день счастливой жизни. И надеялся, что она вот-вот вернется. За ударный труд и примерное поведение Павлу светило УДО. Должны были раньше дать, но не сложилось.

Природный трудяга, Вакулин брался за любое дело на зоне одной из Казанский ИТК, расположенной рядом с берегом Волги. Имел постоянное место в цехе по производству пластиковых окон. Но когда случались перебои с комплектующими, он сам вызывался на хозработы. Вот и сейчас выдалась возможность помахать метлой и лопатой.

Зима «двадцать-двадцать» выдалась удивительно теплой. Говорят, такие бывают раз в сто лет. Лишь в феврале неожиданно выпал снег. И шел беспрестанно почти три дня, превратив зону в зимнюю сказку.

Через клочья облаков радостно сияло солнце. Круглую макушку краснокирпичной водонапорной башни покрывала ослепительно белая шапка. Такие же, но поменьше размером и угловатые, венчали крыши зеленых караульных вышек.

Лопата сноровисто мелькала в ловких руках. Павел расчищал сначала узкие проходы вдоль локалок. А потом, прямо через сугробы по пояс, уводил траншеи к главной аллее колонии.

В охотку работали и другие зэки. Не потому, что работали на досрочное. А просто подышать чистым морозным воздухом. Размяться, покурить. Отдохнуть от духоты двухэтажных бараков, где располагались отряды.

Павел приближался к сеточному периметру, огораживающему территорию шлюза. Все на зоне знали, что в их ИТК, примерно с год назад, организовали ТПП, «пересылку»²⁰. Здесь теперь кантовались зэки, идущие по этапу. Кто пару недель, кто недельку-другую. Как получится.

Вот и сейчас в шлюз въехал автозак ФСИНа. Павел издали пригляделся через сетчатое ограждение: «Походу с пополнением. Конвейер начался, епт. Обшмонают, потом лепилы осмотрят. Сводят бродяг на баньку, обработают и запрут на жилке. С новосельем».

Послышался бешеный лай собак, крики конвоя. «Ага, этап принимают», – перед глазами встал день, когда Паша сам прибыл в колонию. Его аж передернуло.

«Бегом, бегом, – вопили дикими голосами контролеры. – Быстрее, быстрее!» И хлесткие удары резиновой палкой, если замешкался. Сидеть можно только на корточках, в обнимку с мешками. Смотреть – только вниз. Потом переключка, сборка, опять шмон.

Отгнав воспоминания и сплюнув, Павел двинулся дальше, ритмично работая лопатой. И вскоре забыл про новый этап.

Он, конечно, не видел, да и не мог рассмотреть, что происходит через несколько заборов и сеточных ограждений. А обладай Паша сверхъестественным зрением и феноменальной памятью, опытный зэк бы очень удивился.

***

---

²⁰ Транзитно-пересылочный пункт

...Разъяренные псы, брызгая слюной, рвались с поводков конвоиров, выстроившихся коридором подле автомобиля. Из автозака на чуть расчищенное от снега пятно асфальта по очереди выпрыгнули человек десять-двенадцать.

Подгоняемые охраной сидельцы, отбежали от машины на несколько метров. У одного на ходу лопнул ремень большой спортивной сумки, рухнувшей наземь. Заминка стоила рослому зэку хлесткого удара дубинкой по спине. Верзила охнул, чуть не упал, но удержался на ногах.

Прибывшие присели прямо в снег, дрожа от холода. Парень в новой фуфайке чуть повернул шею, скосил глаза на владельца бракованной сумки и тоже схлопотал. «В землю смотреть!» – рявкнул вертухай²¹.

Арестанты покорно замерли, обреченно ожидая новой команды.

Среди них находился и старый Пашин знакомый. Впрочем, даже не знакомый. Скорее человек, который когда-то нечаянно распорядился его судьбой. Не волшебной палочкой, а обычным милицейским жезлом. Семь лет назад мимоходом поменял местами цвета в «зебре» нескольких жизней. С белой полосы на черную.

А теперь очутился в ней сам.

Димка на миг прикрыл красные от недосыпа глаза. Ноги затекли от тяжести объемистого баула. «Как его теперь нести? Говорил же маме с Олей, хватит тащить все подряд». От удара ныла спина.

Всем стать, бегом! – раздалось над самым ухом...

***

Партия в Домино, которую Димка играл с судьбой, на этом пока закончилась. Похоже, что полной... «рыбой» для него.

Камни, наконец, успокоились, заняв уготованные места. Прошли все замысловатые узоры, цепочки и полегли рядами именно так, как было определено судьбой. Последняя фишка повалила первую, завершая круг.

А жизнь свою игру с людьми уверенно продолжила дальше. Но уже с другими партнерами...

---

²¹ По одной из версий слово произошло от окрика «Не крутись!», звучащего на украинском языке: «Та нэ вэртухайсь!»

Часть II. Жажда

Жажда 1. Подснежник

В южном городе, возвышающемся на правом берегу великой тихой реки, жили-были два человека. Очень разные. Но кое-что имели общее.

Они дышали одним и тем же воздухом, «заряженным» тоннами песка и пыли, что круглый год несли на город восточные ветры. Летом их одинаково доставал вездесущий тополинный пух, и сжигало раскаленное солнце. Зимой пыль превращалась в жижу, покрывающую липкой пленкой дороги и тротуары. Подсыхая, серая грязь стирала все остальные краски городского пейзажа, оседая на деревьях, автомобилях и обуви горожан.

Помимо неважной экологической среды, наблюдалось и ментальное сходство персонажей.

Это были две потерянные души. Одна, падшая с рождения, даже не ощущала своего отсутствия. Вторая, напротив, со временем начала тяготиться грузом излишних переживаний. И, избавляясь от обузы, пыталась слиться при каждом удобном случае.

Объединял их также завидный аппетит. На завтрак эти двое обожали горячую глазунью с сосисками колбасного завода «Бык». Подкопченными, как предписывала оригинальная саксонская рецептура. Хотя на самом деле, любимые ганноверские изделия набивались под завязку отечественной глутаматной соей. Говорят, туда иногда добавляли мясо. И даже ходили слухи, что в «Любительской» как-то нашли следы лошадиного ДНК. Немудрено, ведь местный гигант пищевого прома вырос на месте бывшей дореволюционной скотобойни...

Но главным общим увлечением оказалась страсть к охоте. Наша пара относилась к этому занятию предельно просто. Поиск корма, ничего личного. Но как только появлялась цель, в обоих просыпалось острое желание. И начинала мучить особая жажда.

Только утолялся сушняк по-разному. Фанат крепкого пива предпочитал сполна насладиться ужасом и покорностью жертв. Любителю же кофе эспрессо вполне хватало ощущения собственной силы, азарта и власти над загнанной добычей.

Эти двое еще не встретились. И друг друга совсем не знали. Впрочем, как и себя...

***

Он шел по следу, привычно жадно втягивая плотный воздух, набитый сотней запахов. Бензиновая гарь несущихся мимо автомобилей почти не отвлекала от дела. Ноздри щекотал кислый привкус сырой земли и талого снега. Нежная сладость вечерних букетов доносилась из цветочных рядов ближайшего базарчика.

Вот потянуло дымком шаурмы. «Точно, индошатины. И не очень свежая». Горечь табака. Влажная одежда, белье, дешевый дезодорант. Тяжелый пивной перегар...

На миг остановился. Настороженно принюхался, почуяв едва заметный душок тлена. Ковырнул еще. показалось сломанное птичье крыло. «Ну да, голубь. Замерз, или коты придушили по осени. Теперь вот оттаял. Подснежник».

Двинулся дальше. Неторопливо, зигзагом. Он преследовал еле заметный аромат. Который то пропадал, то вновь, едва уловимый, манил за собой. Единственный, который может принести ему облегчение и покой.

...Девушка стояла впереди на переходе, посреди вечерней улицы. Терпеливо пережидала красный свет светофора. Белая вязаная шапочка была надвинута на самые брови, умело выделенные татуажом. Светлые пряди лежали на плечах. Бежевая куртка-пуховик едва прикрывала круглую попку, затянутую в джинсы. Милое юное лицо. Еще несколько прохожих переминались рядом на тротуаре.

Ее дом был совсем недалеко, метров через двести. Вот и окно кухни виднеется поверх черных деревьев. Наверно, мама сегодня напекла блинов, ведь масленица в разгаре. Но девушка боялась. Она нервно покусывала губы. Теребила ляжки своего рюкзака. Потом быстро оглянулась.

К переходу, не торопясь, приближались еще несколько человек. Яркий фонарь позволил все хорошо рассмотреть. Парочка в возрасте, держась за ручки, чтобы не упасть. Девушка с парнем, увлеченно глядящие на ходу в телефоны. Подросток в наушниках. Позади маячило еще несколько силуэтов. Мужчины, женщины.

Девушка отвернулась. «Вроде все норм, чего я трясусь, как дура? – разозлилась на себя. – Наслушалась всякой лажи. Да и мама уже достала вконец своими советами».

Загорелся «зеленый», и Марина быстро перешла дорогу.

Через чахлый скверик срезать не стала, свернула на основную дорожку во дворы. Не обращая внимания на лужи и жидкую грязь, двинулась к последнему подъезду их изогнутого дугой дома.

Но чувство тревоги не проходило. Неожиданно Марина ощутила спиной взгляд. Буквально прожигающий насквозь позвоночник. Девушку охватил животный ужас, и уже не разбирая дороги, она понеслась к парадному, неловко вскидывая ноги в тяжелых ботинках.

Держа ключ-брелок наготове, двумя руками резко рванула на себя дверь. Влетела в подъезд. А потом из всех сил навалилась изнутри на стальное полотно. И давила спиной, пока не сработал доводчик. С металлическим лязгом тот отсек Марину от опасного мира снаружи. Но не от страха.

...Незнакомец постоял еще немного в тени дома. Успокоил дыхание, сбившееся от быстрой ходьбы. Еще раз потянул ноздрями стывший воздух. Чудесное дуновение исчезло, вновь оставив его с неутоленной жаждой.

«Симпатичная телочка, – подумал неизвестный мечтательно. – Испугалась сильно. Вон как летела. Прыгнула прямо в лужу. Наверно мокрая вся снизу», – зажмурился от нахлынувшего желания. Облизнул языком толстые губы. Потом оглянулся тревожно.

«Пора валить отсюда. Пойду еще прогуляюсь. Завтра на работу не идти. Лене скажу, что сегодня шабашили допоздна, а потом посидели с ребятами. Выпили. А чего ей? Деньги приношу неплохие. Детки, Саша с Анжелой, слушаются, любят меня», – улыбнулся довольным.

Постояв еще секунду, двинулся к автобусной остановке. Охотничий азарт отступил, накапало похмелье. А тревожный маячок без устали закрутился в голове: «Вот же сучка мелкая! Почувствовала как-то... Там на остановке. Она же не видела меня. Никак! Между нами ведь человек пять-шесть было».

Вспомнил опять, как сладко пахло ее страхом. Снова возбудился и старательно пошел медленно, пошатываясь. Как обычный подгулявший алкаш-работяга. Успокоился теперь окончательно.

Сел в автобус и через десять минут вышел в Северном микрорайоне. Окна стандартной девятиэтажки вовсю светились огнями. В квартире было тихо. Аккуратно положил ключи на комод и сразу прошел на кухню. Ужинать не стал, только плеснул полную стопку водки, выпил одним глотком.

Вышел опять в прихожую, что-то снял с вешалки, прошел в крохотный, но уютный зал. Жена, как обычно уgomонила детей вовремя и теперь мирно дремала возле включенного телевизора.

Шли местные криминальные новости. Симпатичная фотомодель в модной стрижке с погонами полковника, не отрывая глаз от телесуфлера, старательно артикулировала подкаченными губами. Она предупреждала граждан от опасности случайных знакомств и призывала к бдительности:

«...В последнее время весьма участились случаи обращения граждан в связи со слухами о возобновлении активности так называемого маньяка, совершающего нападения на одиноких женщин и девушек. Сообщаем вам, что органами внутренних дел предпринимаются все необходимые меры по пресечению противоправных действий неустановленных лиц, направленных на покушение на жизнь и здоровье всех представителей населения города и области».

Неизвестный ухмыльнулся и потрепал жену по округлому бедру. Прошептал: «Лено-ок! Баиньки пора», – и направился в спальню. Вокруг кисти его правой руки уже была привычно намотана пушистая лента мягкого вязаного шарфика...

Жажда 2. Эдик. Танька дура

– Эдька, вылезай сейчас же! Кому говорю? Хуже будет! – под стол протянулась крепкая рука и выволокла за ногу брыкающегося мальчишку.

Тяжело дыша, мужчина поставил ребенка на ноги. Бац! От звонкой оплеухи тот снова отлетел в угол комнаты. Прикрыл лицо руками. Но сквозь подрагивающие пальцы на отца был устремлен колючий, немигающий взгляд волчонка.

Щеку Эдика нестерпимо жгло. Но почему-то он ощущал и мучительное удовольствие. Такое же сладостное, как и тогда. На пустыре. Куда он с двумя друзьями после уроков затащил соседскую кошку. «Это Танька, гадина, подсмотрела. Точно. И пожаловалась маме. Нужно было подождать темноты. Никто бы не увидел».

– Папочка, не бей! Это не я-я-я, я ничего не делал, – жалобно хныкал мальчишка, растирая кулачками сухие глаза. «Что бы ей сделать? Побить. Заставить плакать, на коленках ползать. Или червяками дождевыми накормить. Но она опять все родителям расскажет. Надо как-то сделать, чтобы не знала кто. А может ее...» – в голове Эдика шевельнулись уже не детские мысли.

– Это все Сашка, он придумал. И спички он принес. А Валерка держал. Я только смотрел. Папочка, не надо, пожалуйста. Прошу тебя-я-я, – выводил уже на самой высокой ноте мальчик.

Отец вдруг увидел, как тело ребенка забилося в легких конвульсиях, и тот слегка застонал. Мужчина перепугался, выронил ремень. Потом бросился к сыну, приподнял чернявую голову.

Мать давно вышла из комнаты и плакала на кухне, предоставив мужу разбираться с их чадом самому. Отняв руки сына от лица, отец оторопел.

Слегка закатив глаза, Эдичка счастливо улыбался. Ему было очень приятно. Он представил в деталях как будет наказывать ябеду. И еще. Захотелось повторить это острое, ранее не испытанное наслаждение...

У Эдика, к слову, была и другая веская причина ненавидеть Таньку. Сколько себя помнил он был один. Дома без братьев. сестер, в классе без приятелей. Родители особо им не занимались. Маме, санитарке в больнице, не до него было. Накормить, напоить – вот и вся ласка. Отец был крутого нрава, доставалось и сыну, и маме. Ну, когда дома бывал. Жизнь дальнбойщика дарила такие возможности нечасто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.